

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Тема

**Языковые аномалии в художественном тексте (на материале
произведений американских писателей XX века)**

Выпускная квалификационная работа
по направлению_44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)
Направленность программы бакалавриата
«Английский язык. Немецкий язык»

Выполнил:

Студент группы ОФ-503/088-5-2
Рогозин Владимир Юрьевич

Проверка на объем заимствований

76,57 % авторского текста

Работа реком - к защите
рекомендована/не рекомендована

25 « июль » 2018 г.

зав. кафедрой английского филологии
Афанасьева Ольга Юрьевна

Научный руководитель:

старший преподаватель кафедры
английской филологии
Москвитина Татьяна Николаевна

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	2
ГЛАВА 1. ЯЗЫКОВАЯ АНОМАЛИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	7
1.1 Языковая аномалия с точки зрения лингвистики креатива.....	7
1.2 Соотнесение понятий языковой сложности, языковой игры и языковой аномалии.....	10
1.3 Трудности создания языковой аномалии. Внутренняя речь.....	14
1.4 История вопроса. Новаторство разных эпох в использовании языковых аномалий.....	18
ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВЫЕ АНОМАЛИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА.....	23
2.1 Анализ языковых аномалий.....	23
2.2 Анализ языковых аномалий на фонетическом уровне.....	30
2.3 Анализ языковых аномалий на лексико-семантическом уровне.....	34
2.4 Анализ языковых аномалий на синтаксическом уровне.....	38
2.5 Анализ языковых аномалий на прагмасемантическом уровне.....	44
2.6 Методические разработки для проведения занятий по английскому языку.....	53
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	55

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ	
СПИСОК.....	57
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	61

ВВЕДЕНИЕ

Проблема языковой аномальности представляет немалый теоретический и практический интерес, поскольку именно изучение разного рода нарушений и отклонений от известных нам закономерностей функционирования языка позволяет нам глубже понять как природу самого объекта, так и уровень нашего знания о нем.

В этом смысле можно говорить о повышенной информативности аномальных явлений в сфере языка: «Человек воспринимает мир избирательно и прежде всего замечает аномальные явления, поскольку они всегда отделены от среды обитания. Непорядок информативен уже тем, что не сливается с фоном» [Арутюнова 1999: 76].

«В любом развитом национальном языке заложен значительный потенциал не только для реализации его системных закономерностей, но и для порождения разного рода отклонений от языковых норм и правил, которые не ведут к деструкции системы, а, напротив, являются выражением ее креативного и адаптивного потенциала. В этом смысле можно говорить о конструктивности аномалий» [Радбиль 2004: 6].

В спонтанной речи любое нестандартное высказывание немедленно приобретает эмоциональную или функциональную окраску, что делает любую языковую аномалию полноправным выразительным средством.

В авторской трансформации звука, слова, предложения и текста нередко можно наблюдать «концентрированную и мотивированную контекстом, доступную наблюдению динамику исторических процессов, идей и мировоззрений, которая в обиходном языке, вне художественных задач, охватывает столетия» [Зубова 2000: 399]. Следовательно, изучение языковых аномалий имеет лингвистическую, историческую и социокультурную ценность, что делает ее современной и актуальной темой для исследования. Более того, актуальность исследования определяется возрастающим интересом к модернистской и постмодернистской литературе в целом, частотой употребления языковых аномалий во многих современных текстах, а также появлением новых отраслей лингвистики, таких как социокультурная лингвистика, лингвистика креатива, психолингвистика, нейролингвистика, изучающими язык как неотъемлемую часть культуры, искусства, человеческого сознания.

Объектом данного исследования является взаимосвязь происхождения высказывания на довербальном уровне и его умышленной аномальности в письменной форме.

Предметом нашей работы служат языковые аномалии в текстах американских авторов XX века.

Целью настоящей работы является исследование, классификация и систематизация языковых аномалий на примере произведений американских авторов XX века, определение их функционала и частотности употребления.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи:

- рассмотреть понятие языковой игры, внутренней речи;
- разобрать особенности американской литературы XX века, выделить знаковых авторов;
- обратить внимание на мыслительные механизмы человека, которые задействованы при доречевой и речевой активности, перечислить особенности внутренней речи;
- разработать алгоритм исследования для наиболее подробного анализа языковых аномалий, с его помощью изучить ряд случаев употребления феномена в текстах американских авторов XX в, а также выделить ключевые особенности употребления языковых аномалий в в текстах каждого из авторов.

Теоретической основой послужили работы таких исследователей в области когнитивной лингвистики, лингвистики креатива, теории коммуникации, психолингвистики, психологии как Т.Б Радбиль, Н.Д. Арутюнова, Л.В. Зубова, Г.А. Золотова, Т.Д. Гридина, Т.В. Булыгина, Л.С. Выготский и многие другие.

Материалом исследования послужили прозаические художественные произведения знаковых американских авторов XX в.: романы “Страх и Отвращение в Лас-Вегасе” Хантера С. Томпсона и “На дороге” Джека Керуака.

Методами настоящего исследования являются метод концептуального (содержательного) анализа текста, семантический, стилистико-семантический анализ текста, выявляющий фонетические, лексические, грамматические, синтаксические средства выражения аномальности текста, а также элементы статистического анализа.

Исходя из результатов исследования, на защиту выносятся следующие положения:

- под языковой аномалией понимается любое значимое отклонение от принятых в данной социальной, культурной и языковой среде стандартов, которое имеет знаковый, т.е. языковой характер манифестации;
- наличие языковой аномалии в художественном тексте может свидетельствовать о том, что высказывание имеет характеристики внутренней речи;
- языковая аномалия в художественном тексте, находясь на любом языковом уровне, выступает как средство выразительности, а следовательно, употребляется для того, чтобы придать тексту авторское и смысловое своеобразие;
- языковая аномалия может быть успешно использована как художественный прием для описания и имитирования иного психического состояния.

Практической значимостью настоящей работы является изучение феномена языковых аномалий в произведениях американских авторов XX века, предложение оригинального способа их категоризации на основе психолингвистических исследований и разработка комплекса упражнений для занятий в средней и старшей школе для ознакомления учащихся с литературными особенностями современной англоязычной прозы.

В качестве практического применения данной работы можно указать использование выведенных классификаций для анализа феномена языковой девиации, а также включение методической разработки в факультативные занятия в школах. Наша работа может служить опорой для создания “языкового портрета” литературы XX века в Соединенных Штатах Америки и знаковых авторов того времени.

Данная работа имеет традиционную структуру и включает в себя введение, две главы основной части, заключение, список использованных источников и приложения.

В первой главе мы рассматриваем языковую аномалию и языковую игру с точки зрения креативной лингвистики, даем ключевые определения, перечисляем трудности создания языковой аномалии, а также обращаемся к истории появления модернистских и постмодернистских литературных течений.

Во второй главе, практической, мы рассматриваем конкретные случаи языковых аномалий на примере отрывков из художественных текстов американских писателей XX в, применяя на них алгоритм анализа, выведенный из характеристик довербального состояния ума и поведения человека в измененном состоянии сознания, а также представляем комплекс упражнений для ознакомления учащихся средней и старшей школы с феноменом языковой аномалии.

В заключительной части квалификационной работы обобщаются достигнутые результаты и формулируются основные выводы проведенного исследования.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЯЗЫКОВАЯ АНОМАЛИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

1.1 Языковая аномалия с точки зрения лингвистики креатива.

«Для современной лингвистики характерен устойчивый интерес к сфере речетворчества, в которой реализуется и потенциал системы языка, и потенциал самого говорящего, обусловленный его лингвистической интуицией. Благодаря этому интересу сегодня наука «вторгается» в живые языковые процессы, для которых характерны разного рода инновации окказионального и потенциального характера, метафоризация, языковая рефлексия, языковая игра» [Ремчукова 2005: 6]. Именно такой подход, предполагающий последовательное исследование двух диалектически связанных объектов – языковой системы и речевой деятельности позволяет наглядно продемонстрировать, что только «благодаря системе, на ее фоне мы получаем удовольствие от действительной игры слов, поэтических образов, метафор, остроумных неожиданностей» [Золотова 2001: 210].

Языковые аномалии представляют собой значительный пласт в реализации любого национального языка, примером могут служить высокохудожественные произведения литературы или обычные речевые ошибки, оговорки, опiski, но природа одних аномалий, как и их «оправданность» отличается от других.

Существует несколько подходов к определению такого явления языка, как «языковая аномалия»: онтологический (нарушение известных законов физического мира), когнитивный и гносеологический (отклонение от известных закономерностей в процессе познания объекта), в зависимости от которых содержание понятия может варьироваться. Аномальным является все то, что познающий не может объяснить с точки зрения рационализма, знания и стандарта. «Аномальными оказываются явления, которые нарушают какие-либо сформулированные правила или интуитивно ощущаемые закономерности. Тем самым явление оказывается аномальным не само по себе а относительно тех или иных законов. В науке нередко аномальными считают явления, противоречащие описанию, которое предложил исследователь, т.е. сформулированной им системе правил» [Булыгина, Шмелев 1997: 437].

В широком смысле языковую аномалию следует понимать как любое значимое отклонение от принятых в данной социальной, культурной и языковой среде стандартов, которое имеет знаковый, т.е. языковой характер манифестации.

Н. Д. Арутюнова предложила рассматривать норму с точки зрения «1) возможности/невозможности отклонения (абсолютность / относительность норм), 2) социальности / естественности («рукотворные» / «нерукотворные» нормы), 3) позитивность / негативность (рекомендательные / запрещающие правила), 4) растяжимость (вариативность / стандартность (среднестатистические / точные нормы), 5) диахронность / синхронность (закономерность развития / правила

функционирования), б) престижность / непрестижность (для социальных норм)» [Арутюнова 1999: 87].

Данные типологические характеристики нормы подтверждают наличие аномалий: относительность норм, их социальность, рекомендательный характер, вариативность, непрестижность позволяют создавать нечто, отличное от стандарта: аномалию. «Языковая аномалия как отклонение от правил и норм вовсе не перечеркивает само правило или норму, а главное - оно может быть рационально мотивировано, коммуникативно адекватно, прагматически успешно и семантически осмысленно» [Анисимова 1987: 69].

Однако, в современной лингвистике появилось и такое понятие как языковая сложность, которое обладает некоторыми признаками и функциями, сходными с признаками и функциями языковых аномалий.

Основными функциями языка являются коммуникативная и логическая (функция выражения мысли), то есть язык - это «орудие» обмена информацией между адресатом и адресантом, которое реализуется в речи.

«Если языковое действие приводит к результату, расходящемуся с намерениями автора, то такие действия могут быть расценены как «неправильные», то есть ошибочные, так как нарушается коммуникативная функция; но как только «ошибка» становится намеренной и преследует какую-то цель, мы уже имеем дело с языковой девиацией. Основными функциями языковых аномалий являются:

- информативность (любое языковое явление используется с целью выделения или обозначения какой-либо информации, не является исключением и языковая аномалия);
- конструктивность (языковая аномалия, внедряясь в текст, никогда не преследует цель разрушить его смысл, напротив, данный феномен участвует

в «строительстве» определенной точки видения, принципиально нового мироощущения, отличного от привычного);

- эвристичность (отклонение от нормы, образованное намеренно всегда является чем-то новым);
- эстетичность (намеренное употребление данного феномена всегда преследует какую-либо эстетическую цель)» [Гридина 1996: 117].

Но создатель текста не всегда имеет намерение эстетического воздействия на получателя сообщения, не всегда нуждается в формировании «кричащей» точки видения определенного объекта внешнего мира, и при этом все же стремится достигнуть оптимального результата в реализации как коммуникативной функции языка, так и логической. Средством достижения такого результата становится языковая сложность.

1.2 Соотношение понятий языковой сложности, языковой игры и языковой аномалии.

«Языковая сложность - это определенный объем отправляемой информации (под информацией мы понимаем «сокращение неопределенности»), при этом языковая сложность подразумевает собой избыточность, что позволяет сообщению быть понятным даже при наличии каких либо искажений (например, различия в знаниях отправителя и получателя сообщения об описываемом предмете, физиологические особенности как получателя, так и отправителя, введении эстетически-художественных приемов, троп, средств выразительности). Языковая сложность представляет собой сочетание нескольких паттернов, но не все из которых обязательны для реализации коммуникативной функции языка: «Сообщение избыточно, если существует менее сложное сообщение, которое

может - в принципе - передать тот же объем информации» при меньшей затрате коммуникативных ресурсов, языковая сложность же есть значимое отклонение от нормы (определению Э. Даля)» [Золотова 2001: 29].

Таким образом, феномен языковой сложности и феномен языковой аномалии должны определяться на уровне языковой системы. Языковая сложность имеет место быть в устной речи, при непосредственном обмене информацией, так как в художественном дискурсе (под дискурсом вслед за В. Я. Ярцевой мы понимаем «связный текст в совокупности с экстралингвистическими - прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [Золотова 2001: 31], намеренно созданном автором, не может быть ничего «в принципе лишнего». Каждый элемент несет свою определенную нагрузку: информационную, эстетическую, прагматическую и др.: «Эстетическая функция языка обнаруживается в тех случаях, когда используются образные возможности языка, когда значимым элементом речи становится её звуковая организация, когда на первый план выступает языковая мотивированность средств выражения - этимологическая, экспрессивно-стилистическая или семантическая» [Золотова 2001: 49].

«Исходя из этого, языковая сложность и языковая аномалия различаются по функциям: для языковой девиации основной становится эстетическая, в то время как для языковой сложности первостепенное значение приобретает информационная; но оба феномена успешно реализуют коммуникативную и логическую функцию языка» [Золотова 2001: 51]. Иными словами, языковая аномалия существует только в том виде, в каком представлена, и несет исключительно те функции и тот смысл, который были вложены в нее автором. Языковая сложность, в свою очередь, несмотря на внешнюю похожесть на

субъект нашего исследования, несет информационную функцию, и может быть сокращена или упрощена без ущерба для понимания мысли.

С точки зрения лингвистики креатива представляет интерес деление аномалий на ненамеренные (погрешность, ляпсус, речевая небрежность) и намеренные (авторские): последние являются важнейшей составляющей лингвистики креатива. Их особенностью является то, «что они выполняют полезные функции в соответствии с замыслом их автора и говорящие идут на них сознательно, чтобы добиться определенного эстетического или интеллектуального эффекта. Авторские аномалии используются как выразительное средство, в частном случае – как средство языковой игры. К ним относятся многие стилистические фигуры и приемы, включая метафору, оксюморон, некоторые виды каламбуров».

Интерес к игровому фактору актуален для многих наук, в первую очередь, для лингвистики, семиотики, литературоведения, культурологии, социологии, психологии. В своей работе «Homo Ludens» Й. Хейзинга пришел к выводу о всеобщности игрового (людического) принципа в культуре, распространяющегося на философию, политику, искусство, право и все другие сферы человеческой деятельности.

Автор термина «языковая игра» – австрийский философ Людвиг Витгенштейн, основоположник двух этапов становления аналитической философии XX века – логического и лингвистического. В современной науке понятие языковой игры получило двоякое толкование: широкое, философское (вслед за Л.Витгенштейном) и узкое, собственно лингвистическое. Языковая игра является реализацией людической функции языка, которую можно рассматривать как частный случай креативной.

Языковая игра – как форма лингвокреативного мышления – связана с экспериментом над языковым знаком на основе различных приемов его трансформации и интерпретации: «В основе понимания языковой игры лежит представление о ней как о процессе направленного (программирующего) ассоциативного воздействия на адресата, достигаемого при помощи различных лингвистических механизмов» [Гридина 1996: 10].

Языковая игра обладает признаками, характерными для игры как таковой. Как и категория игры, словесная игра создает особую, условную модель действительности, и несет в себе следующие функции:

- эстетическую, т.е. желание вызвать у читателя чувство прекрасного;
- гностическую, т.е. попытку познать существующий мир с помощью нестандартного видения;
- гедонистическую, т.е. развлекательную;
- практическую, т.е. стремление привлечь внимание [Михайлова 2006: 528].

Несмотря на то, что феномен языковой аномалии близок к языковой игре, он встречается в художественном тексте при иных обстоятельствах. Языковую аномальность просто уловить, но непросто объяснить. Языковая интуиция носителей языка с легкостью распознает самые разнообразные отклонения от языкового стандарта, будь то оговорки и обмолвки в устной речи, ошибки в тетради школьника или речевые ляпы политика в публичной речи: «В реальных текстах на естественном языке отклонения (не от правил, сформулированных лингвистом, а от интуитивно ощущаемых носителями языка норм) встречаются не так уж редко. Поэтому без умения распознавать их и тем или иным образом интерпретировать понимание подлинного естественно-языкового текста обычно оказывается невозможным» [Булыгина 1997: 440].

Однако теоретически определить, в чем именно заключается механизм той или иной девиации, не всегда легко. Таким образом, оправданно возникают вопросы: что такое языковая аномальность, в каком смысле данное явление аномально, какова природа данной аномальности: языковая, прагматическая, логическая и т. д.?

Языковая аномалия как отклонение от правил или норм вовсе не перечеркивает само правило или норму, а главное – оно может быть рационально мотивировано, коммуникативно адекватно, прагматически успешно и семантически осмыслено. По мнению Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, «...в отличие от законов природы, языковые правила в некотором смысле сами предусматривают возможность их нарушения – по недосмотру или с какими-то специальными целями. <...> Возможность отклонений от языковых правил в речевой практике как бы предусмотрена самими правилами; поэтому встретившееся в корпусе текстов высказывание, нарушающее сформулированные лингвистом правила, может интерпретироваться как такое отклонение и не вести к пересмотру правил» [Булыгина 1997: 439].

С другой стороны, в речи могут встречаться высказывания, как допустимые и логически, и семантически, при этом производящие впечатление девиантности в силу их коммуникативной, прагматической неуместности, так и полностью алогичные высказывания, не относящиеся к реальному миру. В рамках же «семантики возможных миров», например, многие запреты на порождение аномальных высказываний снимаются, поскольку законы таких «воображаемых миров» могут различаться с законами «нашего мира»: «Если текст соотнесен с иными мирами, то многие запреты снимаются (ср. мифы, сон, фантазию). Но и в пределах нашего мира существуют «другие миры», онтология которых отлична от онтологии предметной действительности. Это прежде всего психический мир

человека, в применении к которому допустима конъюнкция антонимов: *Мне было грустно и радостно; Люблю и ненавижу...* В этом неустойчивом мире трудно разделить разные состояния и ввести каждое из них в определенные временные границы» [Арутюнова 1990: 6]. Что и приводит нас к задаче подойти к вопросу порождения языковой аномалии с точки зрения психологии.

1.3 Трудности создания языковой аномалии. Внутренняя речь.

В частных случаях, наиболее часто употребляемых в американской литературе XX века, языковая аномалия выводит текст за рамки общепринятых правил языка, приближая его к внутренней речи, и тем самым обращает внимание реципиента на то, как именно отображаемая мысль появилась в голове у автора. Это приводит нас к первой и главной проблеме использования языковых аномалий: нелинейности внутренней речи по сравнению с упорядоченностью норм языка. Под внутренней речью понимается скрытая вербализация, сопутствующая процессу мышления, словесное формирование. Данное проявление представляет соотношение мыслительных операций, языковых компонентов, коммуникационного взаимодействия и сознания индивида. Очевидными особенностями внутренней речи являются ее краткость, отрывочность, фрагментарность, представленными в достаточной мере для выполнения ее главной функции: подготовки к высказыванию, планированию возможных ситуаций и оценки текущего состояния. Язык, в свою очередь, характеризуется целостностью, логичностью и является следствием осмысленного упорядочивания мыслительной деятельности.

Л.С. Выготский выделяет следующие лингвистические особенности внутренней речи:

- редуцирование фонетических аспектов (сокращение звукового многообразия в мыслительном процессе для сокращения времени);
- превалирование смысловой нагрузки слов над их значением;
- хаотичность внутренней речи, “наслаивание” одних высказываний на другие, произвольность ассоциативного ряда;
- эллиптичность (индивид пропускает знакомые ему понятия за ненужностью);
- использование образов, планов, схем, частичная внутренняя визуализация (представить предмет, а не называть его) [Выготский 1997: 145] .

Многие современные американские писатели, в частности приверженцы “новой журналистики” и “бит-поколения”, отмечали сходство процесса зарождения внутренней речи с опытом, переживаемым личностью во время приема психоактивных веществ. В своей работе “Электропрохладительный кислотный тест”, посвященной жизни коммуны хиппи, Т.Вулф неоднократно прибегает к описаниям так называемых психоделических “трипов”, опытов принятия человеком наркотиков и выявляет их общие закономерности. Среди них можно перечислить:

- усиление восприятия: цвета становятся ярче, возрастает контрастность и насыщенность, звуки (особенно музыка) слышатся чётче и глубже;
- усиление эмоциональности: высвобождаются эмоции, как правило, позитивные, в связи с чем ощущается повышение настроения и эмпатия;
- феномен синестезии: раздражитель одного из органов чувств вызывает отклик в других органах чувств — так музыку можно видеть, а звуки — осязать;

- возникновение визуальных эффектов («визуалов»): за закрытыми глазами (а при больших количествах — и «за» открытыми) появляются геометрически правильные и сложные разноцветные калейдоскопические узоры, часто с преобладанием «грибных» (грибы на тонких ножках) или «органических» (павлиньи перья, листья, глаза) мотивов;
- изменение восприятия пространства: «дыхание», «мерцание» поверхностей с изменениями размеров и пропорций окружающего мира («Синдром Алисы в Стране Чудес»), характерный пример — «перетекание» статичного рисунка обоев на стене;
- изменение восприятия времени: ход времени замедляется, появляется ощущение выхода за его пределы, в больших количествах само понятие времени теряет всякий смысл и появляются практически не представляемые феномены полного его исчезновения;
- изменение мышления: логическое мышление ослабевает, образное, наоборот, возрастает, также усиливается воображение;
- возврат переживаний раннего детства: можно заново почувствовать себя ребёнком (причём, имеется в виду именно повтор переживаний на экзистенциальном уровне, а не возврат воспоминаний о детстве или о таком переживании);
- переживание смерти и рождения: эффекты трудноописуемы, но по некоторым сведениям, они повторяют переживания после смерти, описанные в Тибетской Книге Мертвых;
- в особых случаях могут чувствоваться трансперсональные переживания: выход сознания за пределы физического тела, ощущение единства со всем живым в мире, переживание воссоединения с Абсолютом, Пустотой, Богом, Космическим Сознанием и т. п. [Лири 2003: 224].

По словам автора, наркотики не расширяют границы познаваемого и человеческих возможностей, а лишь приближают мыслительный процесс к точке его зарождения, стирают опосредованность мышления языком. Следовательно, данная классификация может послужить своеобразной “шкалой”, перечнем эффектов, вызываемых использованием языковых аномалий в речи.

Исходя из вышеперечисленного, попытка передать хаос в устной речи неизбежно приведет к появлению фонетических, семантических и синтаксических языковых аномалий, имитирующих хаотичный поток мыслей. Однако на письме сохранение определенной языковой целостности необходимо для передачи информации читателю.

Таким образом, главной проблемой использования языковых аномалий является их удаленность от внутренней речи и опосредованность с помощью языковых норм.

1.4 История вопроса. Новаторство разных эпох в использовании языковых аномалий.

В художественном тексте языковые аномалии использовались со времен древнегреческого театра, принципы которого, в том числе и субъект нашего исследования, положили основу современному драматическому и художественному тексту. Техника “внутреннего монолога” позволяла читателю погрузиться в поток мыслей героя, оставшегося в одиночестве или полубессознательном состоянии; намеренные искажения в речи определяли социальное положение и уровень образованности героя. Языковые сдвиги в произведениях современных прозаиков и поэтов во всем их многообразии

позволяют утверждать, что аномалии стали неотъемлемой частью художественного текста.

Следующим шагом литературы в сторону бессознательного стала техника «потока сознания», массово использовавшаяся модернистами XX века. Термин «поток сознания» принадлежит американскому философу-идеалисту Уильяму Джеймсу, : «сознание — это поток, река, в которой мысли, ощущения, воспоминания, внезапные ассоциации постоянно перебивают друг друга и причудливо, «нелогично» переплетаются» [Фокеев 2003: 80]. «Поток сознания» представляет собой предельную степень, крайнюю форму внутреннего монолога, в нём объективные связи с реальной средой нередко трудно восстановимы. [Выготский 1997: 144] «Поток сознания» начала 20 в. вырос из произведений Ж. Гюисманса, Э. Дюжардена, из английской литературы «рубежа века» (Г. Джеймс, Дж. Мередит, Дж. Конрад, Р. Л. Стивенсон), в американской литературе его активно использовали У. Фолкнер, Дж. Керуак, А. Гинзберг, У. Берроуз, Н. Кэссиди и другие.

Тот же временной промежуток в СССР ознаменован литературным новаторством поэтов серебряного века, в частности символистов и футуристов. Их язык отличается обилием неологизмов, экспериментов со звуком и формой стихотворного текста. Алексей Крученых, поэт-футурист, поставил эксперимент по созданию абстрактного, беспредметного языка, «очищенного от житейской грязи». Этот язык по большей части состоял из звукоподражаний, полуслов и странных слоговых сочетаний, иными словами, языковых аномалий. Примечательно, что основная идеология русских футуристов включала в себя положения, которые позже станут основой в последующих течениях в американской литературе XX в, такой как битничество, постмодернистская и метамодернистская литература:

- бунтарство, анархичность мировоззрения, выражение массовых настроений толпы;
- преклонение перед действием, движением, скоростью, силой и агрессией;
- отрицание культурных традиций, попытка создать искусство, устремленное в будущее;
- бунт против привычных норм стихотворной речи, экспериментаторство в области ритмики, рифмы, ориентация на произносимый стих, лозунг, плакат;
- поиски раскрепощенного "самовитого" слова, эксперименты по созданию "заумного" языка;

Десятилетиями позже в США зародилось «бит-поколение» - поэты и писатели, проповедовавшие свободу самовыражения, духовные искания, «торжество хаоса». Они внесли значительный вклад в развитие как нестандартной «раскрывающей границы сознания» прозы, так и литературы в целом.

Cut-up метод (метод нарезок) был изобретен в 1920-х годах французским поэтом-дадаистом Тристаном Тцарой, а тридцатью годами позже в значительной степени доработан американским писателем-битником Уильямом Берроузом. Техника в существенной мере повлияла на развитие электронной и экспериментальной музыки, а также оказала определенное влияние на литературу и кинематограф. «Прародитель» метода, Тристан Тцара, объясняя последовательность создания дадаистской поэмы (классического произведения по «методу нарезок»), предлагал вырезать каждое слово из газетной статьи, перемешать и выложить в произвольном порядке, сформировав новый текст. Несколько иначе к вопросу подходил У. Берроуз: он составлял подобные нарезки из личных дневников, записей услышанных разговоров и цитат из других

произведений. Текст, созданный по методу cut-up, являл собой хаотичное межтекстовое единство, в котором обнаруживались новые смыслы, логические цепочки и ассоциативные ряды - иными словами, масштабную языковую аномалию.

Представитель вышеупомянутых битников, Джек Керуак разработал стиль “спонтанной прозы”, который по сей день является одним из наиболее приближенных к внутренней речи. Керуак считал, что текст должен ложиться на бумагу “не отшлифованным”, в том виде, в котором он рождается в голове автора. Также он всегда настаивал и на том, что любые его произведения должны были публиковаться в том виде, в каком они были впервые записаны. По мнению писателя, “спонтанность и непрерывность мысли позволяют не только донести до читателя нужную информацию, но и позволяют информации проникать в сознание читателя”. Непрерывности мысли Керуак достигал за счет крайне небрежного отношения к пунктуации и деструктуризации повествования.

Немалый вклад в использование языковых аномалий в тексте внес Х. Томпсон, американский писатель и репортер, основатель нового направления в журналистике, именуемого “гонзо”. Томпсон активно использовал психоактивные вещества и создавал текст, находясь в измененном состоянии сознания. Как он утверждал в одном из интервью, “...наркотики обостряют восприятие и усиливают реакции - как в хорошем, так и в плохом смысле. Наркотики подарили мне способность к регенерации, научили отличать правду от кривды, позволили мне не обращать внимания на незначительную ерунду - несправедливые обвинения, клевету, ложь.... Наркотики дали мне силу противостоять шокирующей мерзости реальности, сохранить надежду на лучшее, веру в идеалы” [Томпсон 2008: 35]. Его знаменитый роман “Страх и отвращение в Лас-Вегасе” по большей части состоит из описаний психоделических опытов во время путешествия по штату

Невада, анализа происходящих там событий и культуры употребления наркотиков в целом. Подобный стиль оправдан стремлением журналиста к максимальной субъективации и отстранении от шаблонов. Работы Томпсона характеризуются обилием языковых аномалий, намеренных логических ошибок, отказом от целостности повествования.

В ходе исследования были выполнены сформулированы ключевые для данной работы понятия, такие как языковая аномалия, языковая игра, поток сознания, внутренняя речь, перечислены трудности создания языковой аномалии, упомянуты исторические предпосылки появления модернистских и постмодернистских литературных течений, выделены их характерные особенности, а также рассмотрены психические механизмы, задействованные при создании текста.

Языковые аномалии представляют собой значительный пласт в реализации любого национального языка. Существует несколько подходов к определению языковой аномалии как к явлению языка: онтологический (нарушение известных законов физического мира), когнитивный и гносеологический (отклонение от известных закономерностей в процессе познания объекта), в зависимости от которых содержание понятия может варьироваться. Аномальным является все то, что познающий не может объяснить с точки зрения рационализма, знания и стандарта. Языковую аномальность просто уловить, но непросто объяснить. Языковая интуиция носителей языка с легкостью распознает самые разнообразные отклонения от языкового стандарта. Главная проблема использования языковых аномалий заключается в нелинейности внутренней речи по сравнению с упорядоченностью норм языка.

В художественном тексте языковые аномалии использовались со времен древнегреческого театра, принципы которого, в том числе и субъект нашего

исследования, положили основу современному драматическому и художественному тексту, в частности проявляясь в культурных течениях, основанных на намеренных логических нарушениях и расширении устоявшихся границ в творчестве. Особенное влияние языковых аномалий прослеживается в творчестве американских писателей XX века.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЯЗЫКОВЫЕ АНОМАЛИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА

2.1 Анализ языковых аномалий.

В данной работе мы будем использовать вышеизложенную классификацию Л.С. Выготского вкупе с характеристикой психоделического опыта как опоры для анализа аномалий на различных языковых уровнях из произведений американских писателей XX в., доказывая гипотезу о том, что проявления умышленных фонетических, графических, стилистических ошибок в тексте приближают читателя к состоянию хаоса внутренней речи.

Предметом нашего исследования является прозаический текст романов “Страх и отвращение в Лас-Вегасе” и “На дороге” авторов Хантера С. Томпсона и Джека Керуака, включающий в себя монологическую, диалогическую речь, поток сознания, внутреннюю речь, и содержащиеся в них аномалии на разных языковых и уровнях.

Выделив наиболее близкие к языку аспекты данных классификаций, мы получили ряд следующих характеристик, присущих отдельным случаям языковых аномалий, и вывели из него классификацию средств выражения языковых аномалий:

- редуцирование фонетических и синтаксических аспектов, эксперименты с ритмикой текста;
- изменение логической структуры высказывания - намеренная хаотичность, инвертированный или произвольный порядок слов, элементы афазии (речь с преобладанием несвязных фраз), нарушение сочетаемости слов, использование нерелевантной лексики;
- эллиптичность или цикличность языковых конструкций - пропуск слов, повторение отдельных фраз, фонетическое единство, аллитерация, ассонанс;
- активное использование аналогий, сравнений, метафор, гипербол, литот и прочих средств выразительности, способствующих созданию образности и ее визуализации в тексте; к этой же категории можно отнести использование цитат из песен, “включение” происходящих на фоне разговоров и событий во внутренний монолог говорящего;
- использование приемов, усиливающих эмфатическую составляющую текста: обилие эмоционально окрашенных слов и выражений, присутствие лексических единиц, принадлежащих иному семантическому полю, резкая смена тона повествования - иными словами, любые языковые средства, вызывающие у читателя удивление благодаря “эффекту неожиданности”.
- использование оксюморона, метафоры, умышленное искажение действия с целью подключить органы чувств с целью имитировать феномен синестезии.

- активное использование гипербол и литот к словам, характеризующим размер предметов, а также нелинейное повествование, намеренное использование разных грамматических времен для искажения пространственно-временного восприятия;
- техника флэшбэка и инсайта, возврат переживаний прошлого или раннего детства;
- использование лексики, подразумевающей описание процессов и явлений, непостижимых человеческим разумом и/или героем произведения, например, переживание рождения, смерти, бога, мистических состояний, иными словами, трансцендентный опыт.

Основной проблемой языковых аномалий является сложность их классификации. Наиболее подходящую для нашего исследования классификацию предоставляет Т.Б. Радбиль в своей работе “Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие”:

«Аномалии формальные и семантические. Языковая аномалия может возникать как в плане выражения, так и в плане содержания языкового знака. Так, возможны разного рода отклонения в фонетической реализации, в морфемной и словообразовательной структуре, в морфологической форме (колебания в роде, числе и падеже), в синтаксической структуре (немотивированные нарушения сочетаемости и пр.). Это мы отнесем к аномалиям формальным, если они сами по себе не ведут к искажениям смысла языковой единицы (хотя и могут вызывать определенные трудности в ее понимании). Формальные аномалии, по сути, соответствуют тому, что принято называть нарушениями орфоэпической, лексической, словообразовательной, морфологической или синтаксической нормы в той их части, где фиксируются нерелевантные по отношению к смысловым преобразованиям формальные девиации» [Радбиль 2012:25].

«Аномалии семантические и прагматические. Необходимо разграничивать собственно языковое значение и внеязыковое (экстралингвистическое) содержание языковых единиц» [Радбиль 2012:26].

«Термин семантические аномалии мы сохраняем только за аномалиями, имеющими чисто языковую природу, т. е. аномалиями смысла, которые возникают в результате разного рода нарушений в вербализации лексической или грамматической семантики в пределах языковой системы стандартного языка. Тогда нарушения, связанные с прагматической сферой речи (нарушение норм и принципов речевого поведения и пр.), мы будем именовать аномалиями прагматическими» [Радбиль 2012:27].

Для более точного изучения случаев языковых аномалий мы классифицируем все возможные языковые аномалии на группы, согласно языковому уровню, на котором они находятся:

- фонетические языковые аномалии;
- лексико-семантические языковые аномалии;
- синтаксические языковые аномалии;
- языковые аномалии на прагмасемантическом (смысловом) уровне.

Одним из основных положений на защиту данной работы мы указываем доказательство утверждения, что языковая аномалия в художественном тексте работает как средство выразительности. В связи с этим заключительной частью практического анализа языковых аномалий в изучаемых произведениях будет выделение функциональной роли средства выразительности в тексте как прагматико-лингвистического явления, и последующее соотнесение обнаруженных языковых аномалий с данным списком.

Согласно исследованию доцента филологии Шерстобитовой И.А., дети и взрослые по-разному понимают те или иные средства выразительности текста,

однако общие черты в восприятии присутствуют. В своей работе она выделяет исчерпывающее количество функциональных особенностей средств выразительности любого языка, однако нами были выбраны только те, которые соотносятся с представленным выше алгоритмом и тематикой исследования:

- средство выразительности придает речи динамичность, стремительность, либо наоборот замедляет ее;
- создает фонетический рисунок речи;
- передает стилистическую окраску текста;
- индивидуализирует стиль говорящего или авторский стиль;
- дает речевую и психологическую характеристику персонажа, показывает его культурный уровень, или же описывает состояние, в котором он находится;
- работает на обогащение образности текста;
- создает эффект резкой смены образов;
- подкрепляет повествования эмоциональной насыщенностью;
- последовательно ослабляет или усиливает ассоциативный ряд;
- привлекает внимание к наиболее семантически важным словам в высказывании;
- раскрывает связь образов, обращает внимание читателя на ассоциативный ряд;
- передает эмоциональное напряжение, создает трудности в понимании;
- стимулирует читателя к размышлениям и домысливанию;
- придает предмету или явлению разговора/описания черты другого, иносказательного предмета, тем самым обогащая его образ;
- выявляет авторскую позицию;

- создает эффект неожиданности, давая внезапную неподходящую характеристику предмета или явления;
- более точно характеризует или типологизирует объект [Шерстобитова 1999: 57].

Все обнаруженные языковые аномалии были проанализированы по двум вышеизложенным классификациям средств выражения. Основные и наиболее показательные примеры употребления и анализа представлены ниже; с остальными можно ознакомиться в приложении 1 к данной работе.

Нами были рассмотрены 2 знаковых произведения американской художественной литературы. В текстах было обнаружено 92 случая языковых аномалий, из них 45 приходится на роман Хантера С. Томпсона “Страх и отвращение в Лас-Вегасе” и 47 - на роман Джека Керуака “На дороге”.

В первом произведении было обнаружено 3 языковые аномалии на фонетическом уровне, 16 - на лексико-семантическом, 14 - на синтаксическом и 12 - на прагмасемантическом. Во втором произведении - 14, 10, 17 и 6 случаев соответственно.

Все указанные в работе аномалии отвечают выведенным нами ранее характеристикам в различных пропорциях: 17 случаев редуцирования фонетических аспектов текста, 26 случаев изменения логической структуры высказывания в пользу хаотичности, 24 случая многократного употребления циклических и эллиптических конструкций, 20 случаев визуализации образов с обилием нелогичной описательной лексики, 22 случая аномальной эмоциональности текста, 5 случаев феномена синестезии, достигнутых на лексико-семантическом уровне, 3 момента с искажением пространственно-временного восприятия, 5 случаев использования техники

флэшбэка и 7 описаний трансцендентного опыта, не поддающегося логическому и научному объяснению.

В частности, сумма всех типов языковых аномалий в изученных произведениях примерно совпадает: 45 случаев в романе Хантера С. Томпсона “Страх и отвращение в Лас-Вегасе” и 47 случаев в романе Джека Керуака “На дороге”, однако количественное соотношение разнится. В романе “Страх и отвращение в Лас-Вегасе” было обнаружено 3 случая редуцирования фонетических аспектов текста, 16 случаев изменения логической структуры высказывания в пользу хаотичности, 10 случаев многократного употребления циклических и эллиптических конструкций, 12 случаев визуализации образов с обилием нелогичной описательной лексики, 12 случаев аномальной эмоциональности текста, 2 случая феномена синестезии, достигнутых на лексико-семантическом уровне, 3 момента с искажением пространственно-временного восприятия, 3 случая использования техники флэшбэка и 7 описаний трансцендентного опыта, не поддающегося логическому и научному объяснению. При этом, в романе “На дороге” было найдено 15 случаев редуцирования фонетических аспектов текста, 10 случаев изменения логической структуры высказывания в пользу хаотичности, 14 случаев многократного употребления циклических и эллиптических конструкций, 8 случаев визуализации образов с обилием нелогичной описательной лексики, 10 случаев аномальной эмоциональности текста, 3 случая феномена синестезии, достигнутых на лексико-семантическом уровне, 2 случая использования техники флэшбэка и 3 описания трансцендентного опыта, не поддающегося логическому и научному объяснению. Следует упомянуть, что в тексте Джека Керуака не было обнаружено аномалий, как-либо имитирующих искажение пространственно-временного

восприятия с помощью нарушения фразового единства, согласования времен или описательной лексики в сюрреалистическом контексте.

Обратим внимание, что примеры языковых аномалий, представленные в данной работе, в большинстве своем отвечают сразу нескольким характеристикам, в связи с чем суммирование полученных с помощью алгоритма данных приведет к числу, большему, чем количество обнаруженных примеров.

2.2 Анализ языковых аномалий на фонетическом уровне.

Под фонетическими языковыми аномалиями следует понимать сокращение или увеличение звукового многообразия, эксперименты с ритмикой текста, выраженные орфографическими или графическими способами.

"Hi there," I said. "My name is ... ah, Raoul Duke ... yes, on the list, that's for sure. Free lunch, final wisdom, total coverage" (Thompson, Hunter S. *Fear and Loathing in Las Vegas: A Savage Journey to the Heart of the American Dream*. Rolling Stone, 2018)

"А, здорово, - сказал я. - Меня зовут, хм-м... А, Рауль Дьюк... да, в списке, никаких сомнений в том. Бесплатный завтрак, здравый рассудок, полная компенсация..."

Языковая аномалия представлена на фонетическом уровне и выражена графическим способом. Отрывок является прямой речью, изобилующей паузами: *"My name is ..."*, *"Raoul Duke..."*. Обнаруживаются также междометия и речевые

обороты, не имеющие смысла, свойственные спонтанному потоку речи, употребляемые для заполнения пауз. Их количество указывает на неуверенность говорящего в своих словах: “ah”, “yes”, “that's for sure”. Более того, если обратить внимание на синтагматическое деление высказывания, можно сделать вывод, что речь говорящего состоит из коротких - не более 3 слогов в каждом - обрывков: [haɪ ðɛr aɪ sɛd / maɪ neɪm ɪz / ɑ / rɑːl ʊl duk / jɛs ɒn ðə lɪst / ðæts fɔr ʃʊr / frɪ lʌŋf / ˈfaɪnəl ˈwɪzdəm / ˈtoʊtəl ˈklɒrəʃ]. Основываясь на психологических исследованиях, мы можем утверждать, что данное синтагматическое деление указывает на психическую неполноценность говорящего, находящегося в тяжелом наркотическом опьянении. Аномальный эффект достигается при помощи редуцирования фонетического и ритмического аспекта текста. Как средство выразительности, данный случай употребления языковой аномалии замедляет речь, индивидуализирует стиль говорящего, дает речевую и психологическую характеристику персонажа, показывает его культурный уровень, указывает на его физическое состояние, привлекает внимание к наиболее семантически важным словам в высказывании (а именно - имя персонажа и его мотивацию), обращает внимание читателя на ассоциативный ряд (бесплатная еда, компенсация расходов), создает трудности в понимании.

No fault of mine. Watch out! ... Why money? My name is Brinks; I was born ... born? Get sheep over side ... women and children to armored car ... orders from Captain Zeep (Thompson, Hunter S. Fear and Loathing in Las Vegas: A Savage Journey to the Heart of the American Dream. Rolling Stone, 2018).

Я не виноват. Осторожно!... Какие деньги? Меня зовут Бринкс; я родился... родился? женщин и детей в бронемашину... приказывает капитан Зип".

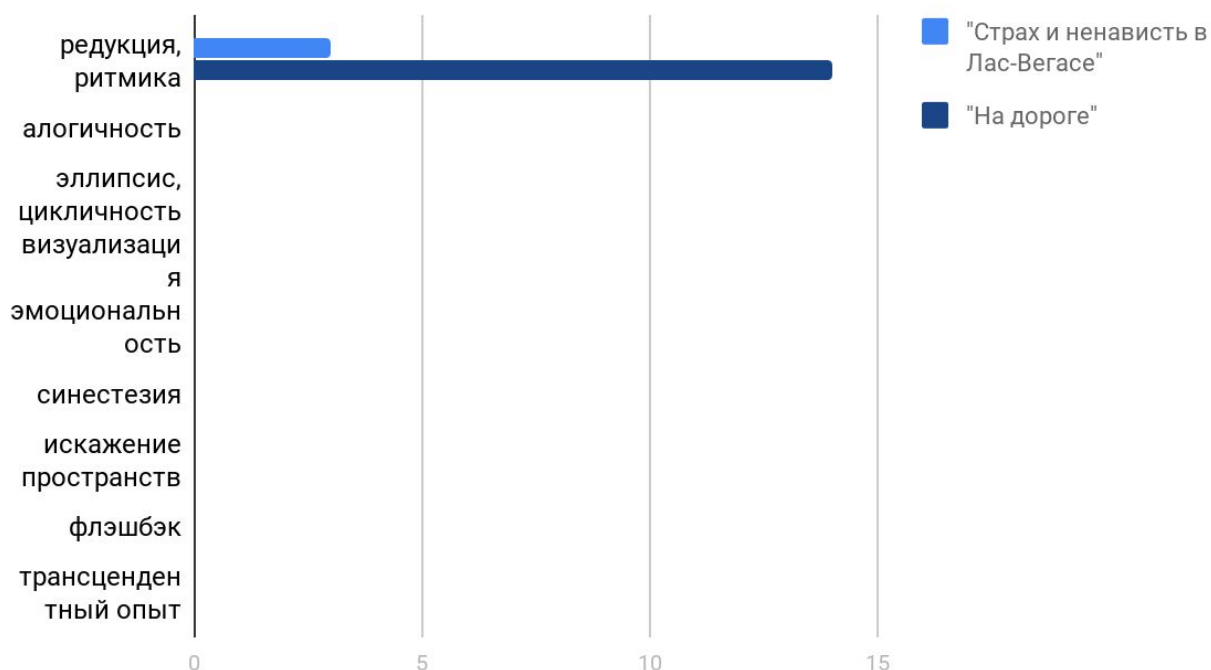
Языковая аномалия аналогична предыдущей, представлена на фонетическом уровне и выражена графическим способом. Отрывок является прямой речью, изобилующей паузами: “*Watch out! ...*”, “*I was born ...*”, “*Get sheep over side ...*”, “*armored car ...*”. В данном случае языковой аномалии присутствуют хаотичные вопросительные предложения, являющиеся имитацией “переспрашивания самого себя”: “*Why money?*”, “*born?*”, что, согласно психологическим исследованиям, является характерной чертой хаотичной речи или потока сознания. Эксперимент с ритмикой, а именно деление высказывания на короткие синтагмы, дополняет эффект хаотичности и нелогичности предлагаемой читателю информации; что характерно, ни один момент в данном отрывке не объясняется и не несет никакой информативности, однако каждая синтагма содержит в себе законченную мысль, которая в ином контексте была бы понятной: [noʊ fɔlt ʌv maɪn / wɒtʃ aʊt / waɪ ˈmʌni? / maɪ neɪm ɪz brɪŋks / aɪ wʌz bɔrn / bɔrn? / gɛt ʃɪp ˈoʊvər saɪd / ˈwɪmən ænd ˈʃɪldrən tu ˈɑrməd kɑr / ˈɔrdərz frʌm ˈkæptən zɛər]. Аномальный эффект достигается при помощи редуцирования фонетического и ритмического аспекта текста. Как средство выразительности, данный случай употребления языковой аномалии замедляет восприятие речи, создает эффект резкой смены образов, создает трудности в понимании, стимулирует читателя к размышлениям и домысливанию.

"When you borrowed that nickel you said, now listen, you said, 'Carlo, this is the last time I'll impose on you,' as if, and really, you meant that I had agreed with you about no more imposing." (Kerouac, Jack On the Road. Genius, 2018)

“Когда ты занимал тот пяточок, ты еще сказал, вот слушай, ты сказал: «Карло, это последний раз, когда я тебя напрягаю,» – как будто на самом деле ты имел в виду, что я согласился на то, чтобы ты меня больше не напрягал”.

Языковая аномалия выражена на фонетическом уровне. Отрывок является прямой речью одного из главных персонажей, в котором обнаруживаются речевые обороты, не имеющие смысла, свойственные спонтанной речи, употребляемые для заполнения пауз. Их присутствие в таком количестве в одном предложении указывает на крайнюю степень возбуждения говорящего: *“now listen”, “and really”*. Неоправданно многократное употребление слов *“you”, “said”* включают в повествование особый ритмический компонент, строящийся на повторе одного и того же слова в разных частях предложения, который придает тексту музыкальность и спонтанность. Аномальный эффект достигается при помощи экспериментов с ритмическим аспектом текста. Как средство выразительности, данный случай употребления языковой аномалии придает речи динамичность, стремительность, создает фонетический рисунок речи, передает стилистическую окраску текста, индивидуализирует как стиль говорящего, так и авторский стиль, дает речевую и психологическую характеристику персонажа, показывает его культурный уровень, описывает состояние возбуждения, в котором он находится, работает на обогащение образности текста, создает эффект резкой смены образов, создает трудности в понимании потока речи читателем.

Фонетические языковые аномалии в обоих произведениях

В первом произведении обнаружено 3 языковых аномалии на фонетическом уровне, во втором - 14. Все случаи их употребления функционируют как эксперимент с ритмической составляющей текста, что говорит об функциональном единообразии фонетических языковых аномалий.

2.3 Анализ языковых аномалий на лексико-семантическом уровне.

Под лексико-семантическими языковыми аномалиями мы понимаем нарушение сочетаемости лексических единиц, употребление специфической лексики, использование нерелевантных конструкций, относящихся к иному семантическому полю, обеспечивающее имитацию феномена синестезии, обилие

эмоционально окрашенных слов с коннотацией, несвойственной представленному контексту.

...but when you get there, everything goes wrong: you misjudge the distance to the turnstile and slam against it, bounce off and grab hold of an old woman to keep from falling, some angry Rotarian shoves you and you think: What's happening here? What's going on ? (Thompson, Hunter S. Fear and Loathing in Las Vegas: A Savage Journey to the Heart of the American Dream. Rolling Stone, 2018)

...но, когда доползаешь, все происходит не так, как у людей: ты недооцениваешь расстояние до турникета, с грохотом падаешь навзничь, неуклюже пытаешься приподняться, хватаясь за, пожилую даму чтобы не свалиться окончательно: какие-то злобные завсегдатаи клуба "Ротари" пихают тебя в спину, и ты думаешь: "Что здесь происходит? Что случилось?"

Языковая аномалия представлена на лексико-семантическом уровне и выражена с помощью особого подбора лексем, принадлежащих разным семантическим полям. Употребление таких слов, как *slam*, *bounce*, *shove* отсылают нас к инородной семантике: движения тела воспринимаются как неаккуратные движения неодушевленных объектов: глагол "*slam*" определяется как со стуком закрывать; захлопывать; со стуком швырять; "*bounce*" - подпрыгивать, отскакивать, подпрыгивать при посадке. Следовательно, в этом случае аномалия выполняет функцию визуализации, синестезии. Как средство выразительности, данный случай употребления языковой аномалии передает стилистическую окраску текста, индивидуализирует авторский стиль, работает на обогащение образности текста, подкрепляет повествование эмоциональной насыщенностью, привлекает внимание к наиболее семантически важным словам в высказывании, раскрывает связь образов, обращает внимание читателя на

ассоциативный ряд, придает предмету описания черты другого, иносказательного предмета, тем самым обогащая его образ, раскрывает ироническое отношение автора к экспериментам с наркотиками, давая внезапную неподходящую характеристику предмета или явления.

Soon it got dusk, a grapy dusk, a purple dusk over tangerine groves and long melon fields; the sun the color of pressed grapes, slashed with burgundy red, the fields the color of love and Spanish mysteries. (Kerouac, Jack On the Road. Genius, 2018)

Вскоре начало смеркаться – лиловые виноградные сумерки над длинными бахчами и мандариновыми рощами; солнце – цвета давленого винограда, исполосованное винно-красным, поля – цвета любви и испанских тайн.

Языковая аномалия представлена на лексико-семантическом уровне и выражена с помощью особого подбора лексем, принадлежащих неожиданным семантическим полям. Такие описательные эпитеты, как “*grapy dusk*”, “*sun the color of pressed grapes*”, “*burgundy red*”, “*the fields the color of love and Spanish mysteries*” уводят читателя от обывательского восприятия цвета и создает ассоциативный ряд с виноградом, вином (*grapes, burgundly*), тем самым смешивая вкусовые и цветовые ассоциации. В данном случае аномалия выполняет функцию визуализации, синестезии. Как средство выразительности, данный случай употребления языковой аномалии, передает стилистическую окраску текста, индивидуализирует авторский стиль, работает на обогащение образности текста, подкрепляет повествование эмоциональной насыщенностью, последовательно усиливает ассоциативный ряд, привлекает внимание к наиболее семантически важным словам в высказывании, раскрывает связь образов, обращает внимание читателя на ассоциативный ряд, придает предмету описания черты другого, иносказательного предмета (в данном случае - вина), тем самым обогащая его

образ, создает эффект неожиданности, давая внезапную неподходящую характеристику предмета или явления, а также оригинально характеризует объект.

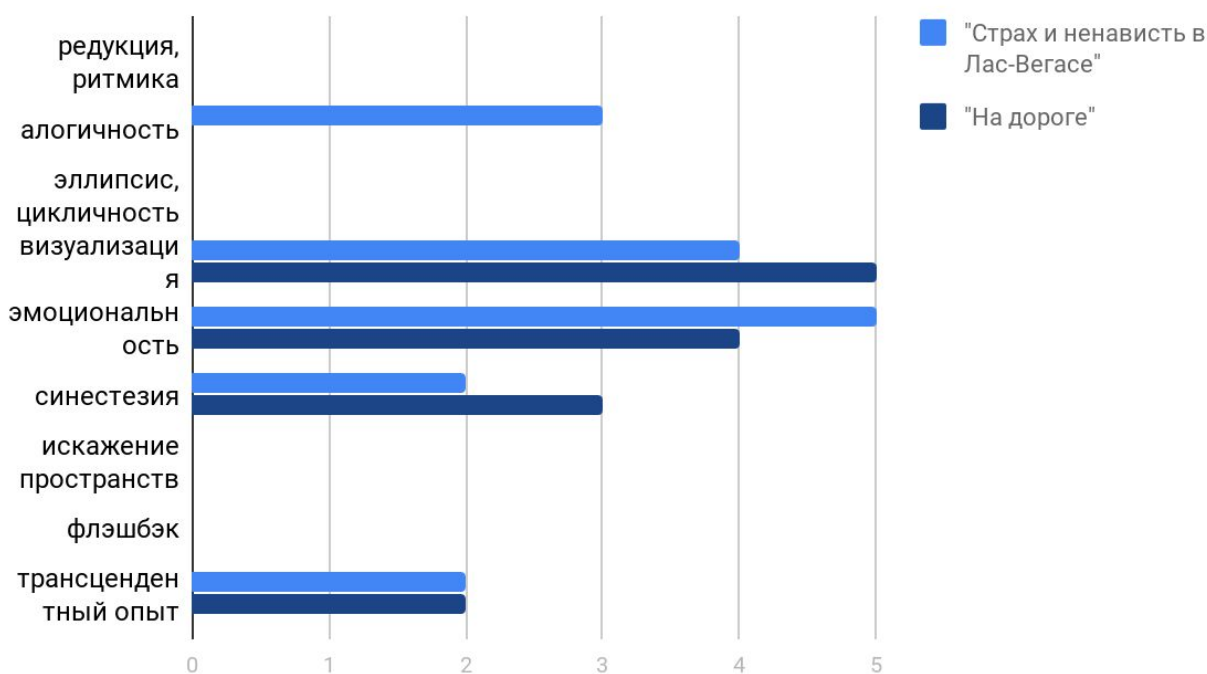
We walked seven miles along the mournful Susquehanna. It is a terrifying river. It has bushy cliffs on both sides that lean like hairy ghosts over the unknown waters. Inky night covers all. (Kerouac, Jack On the Road. Genius, 2018)

Мы с ним оба были бродягами. Мы прошли миль семь вдоль скорбной Саскуиханны. Эта река вселяет ужас. По обеим сторонам там высятся утесы, заросшие кустарником, – будто мохнатые привидения склоняются над неведомыми водами. Чернильная ночь обволакивает все вокруг.

Языковая аномалия представлена на лексико-семантическом уровне и выражена с помощью особого подбора лексем, принадлежащих неожиданным семантическим полям. Такие описательные эпитеты, как “*mournful*”, “*terrifying*”, “*unknown*” создают атмосферу загадочности и мистики. Сравнение, выраженное придаточным предложением, “*that lean like hairy ghosts over the unknown waters*” в частности определяет мистическое, тревожное настроение, при этом являясь своего рода кульминацией для употребленной ранее череды эпитетов. В данном случае аномалия выполняет функцию описания трансцендентных переживаний и повышенной эмоциональности. Как средство выразительности, данный случай употребления языковой аномалии, передает стилистическую окраску текста, индивидуализирует авторский стиль, работает на обогащение образности текста, подкрепляет повествование эмоциональной насыщенностью, последовательно усиливает ассоциативный ряд, привлекает внимание к наиболее семантически важным словам в высказывании, раскрывает связь образов, обращает внимание читателя на ассоциативный ряд, придает предмету описания черты другого,

иносказательного предмета, тем самым обогащая его образ, создает эффект неожиданности, давая внезапную неподходящую характеристику предмета или явления, а также оригинально характеризует объект.

Лексико-семантические аномалии в обоих произведениях

В первом произведении обнаружено 16 языковых аномалий на лексико-семантическом уровне, во втором - 10. В романе "Страх и ненависть в Лас-Вегасе" 3 случая их употребления создают семантические несоответствия, алогичность, 4 - визуализируют происходящее, 5 - задают сильный эмоциональный фон, 2 - имитируют феномен синестезии и 2 - описывают трансцендентный опыт. В романе "На дороге" 5 случаев употребления языковых аномалий визуализируют происходящее, 4 - задают сильный эмоциональный фон, 3 - имитируют феномен синестезии и 2 - описывают трансцендентный опыт. Согласно статистике, наиболее частотными функциональными особенностями лексико-семантических аномалий можно выделить визуализацию и

эмоциональность; алогизмы свойственны тексту Хантера Томпсона и не обнаруживаются в романе Джека Керуака.

2.4 Анализ языковых аномалий на синтаксическом уровне.

Синтаксическими языковыми аномалиями мы называем эксперименты на уровне построения предложений: непрямой порядок слов, алогичное использование залогов, вопросительных конструкций, прямой и косвенной речи, а также аномально длинные или короткие предложения, мешающие полноценному пониманию заложенной в них информации в пользу создания необходимого “запутывающего” эффекта или имитации речи человека в ином состоянии сознания: возбуждения, отчаяния, сна, опьянения.

«Now, darling, here we are in New York and although I haven't quite told you everything that I was thinking about when we crossed Missouri and especially at the point when we passed the Booneville reformatory which reminded me of my jail problem, it is absolutely necessary now to postpone all those leftover things concerning our personal lovethings and at once begin thinking of specific worklife plans . . .»
(Kerouac, Jack On the Road. Genius, 2018)

“Ну, милая, вот мы и в Нью-Йорке, и хоть я не совсем еще рассказал тебе, о чем думал, когда мы ехали через Миссури, а особенно – в том месте, где мы проезжали Бунвильскую Колонию, которая напомнила мне собственные тюремные дела, теперь совершенно необходимо отбросить все, что осталось от наших личных привязанностей, и немедленно прикинуть конкретные планы трудовой жизни...”

Языковая аномалия представлена на синтаксическом уровне и выражена с помощью одного распространенного предложения, содержащего в себе аномально большое количество грамматических основ: “*we are*”, “*I haven’t told*”, “*I was thinking “it was*”, “*it is necessary to postpone*”, что создает некоторые трудности в понимании для читателя. Обилие грамматических основ и хаотическая подчинительная и сочинительная связь в предложении приближают его к потоку сознания. Аномалия выполняет функцию обеспечения особого читательского опыта, намеренное усложнение восприятия объясняется изменением логической структуры высказывания в пользу хаотичности. Как средство выразительности, данный случай употребления языковой аномалии придает речи динамичность, стремительность, создает фонетический рисунок речи, передает стилистическую окраску текста, индивидуализирует как стиль говорящего, так и авторский стиль, дает речевую и психологическую характеристику персонажа, показывает его культурный уровень, описывает состояние возбуждения, в котором он находится, работает на обогащение образности текста, создает эффект резкой смены образов, создает трудности в понимании потока речи читателем.

Jesus! Did I say that? Or just think it? Was I talking? Did they hear me?

Бог мой! Неужели я это сказал? Или только подумал? Говорил ли я?

Слышали они меня? (Thompson, Hunter S. *Fear and Loathing in Las Vegas: A Savage Journey to the Heart of the American Dream*. Rolling Stone, 2018)

Языковая аномалия представлена на синтаксическом уровне и выражена рядом вопросительных предложений, которые протагонист задает самому себе. Каждое вопросительное предложение построено по сходному принципу: большая их часть является общим вопросом в Past Simple (“*Did I say that?*”, “*Was I talking?*”, “*Did they hear me?*”). С помощью данного приема автор приводит текст

к потоку сознания. В данном случае аномалия выполняет функцию обеспечения медитативного читательского опыта, основанного повторении кратких предложений со сходной структурой. Как средство выразительности, данный случай употребления языковой аномалии придает речи динамичность, стремительность, создает фонетический рисунок речи, передает стилистическую окраску текста, индивидуализирует авторский стиль, создает эффект резкой смены образов, привлекает внимание к наиболее семантически важным словам в высказывании, раскрывает связь образов, обращает внимание читателя на ассоциативный ряд, передает эмоциональное напряжение.

"When I said to you that I had to sleep because of Marylou, that is, seeing her this morning at ten, I didn't bring my preemptory tone to bear in regard to what you'd just said about the unnecessariness of sleep but only, only, mind you, because of the fact that I absolutely, simply, purely and without any whatevers have to sleep now, I mean, man, my eyes are closing, they're redhot, sore, tired, beat . . ." (Kerouac, Jack On the Road. Genius, 2018)

Когда я сказал тебе, что мне надо спать из-за Мэрилу, то есть из-за того, что мне надо ее увидеть в десять утра, то у меня появился безапелляционный тон вовсе не из-за того, что ты до этого сказал о необязательности сна, а только – учти, только! – лишь потому, что мне абсолютно, просто, чисто и без всяких чего бы то ни было необходимо лечь спать, в смысле, у меня глаза слипаются, покраснели, болят, устали, избиты...

Языковая аномалия представлена на синтаксическом уровне и выражена с помощью одного распространенного предложения, содержащего в себе аномально большое число грамматических основ: *"I said"*, *"I had to sleep"*, *"I didn't bring "eyes are closing"*, *" they're redhot, sore, tired, beat"*, что создает некоторые

трудности в понимании для читателя. Обилие грамматических основ и хаотическая подчинительная и сочинительная связь в предложении приближают его к потоку сознания. Аномалия выполняет функцию обеспечения особого читательского опыта, намеренное усложнение восприятия объясняется изменением логической структуры высказывания в пользу хаотичности. Как средство выразительности, данный случай употребления языковой аномалии придает речи динамичность, стремительность, создает фонетический рисунок речи, передает стилистическую окраску текста, индивидуализирует как стиль говорящего, так и авторский стиль, дает речевую и психологическую характеристику персонажа, показывает его культурный уровень, описывает состояние возбуждения, в котором он находится, работает на обогащение образности текста, создает эффект резкой смены образов, создает трудности в понимании потока речи читателем.

Turn up the radio. Turn up the tape machine. Look into the sunset up ahead. Roll the windows down for a better taste of the cool desert wind. (Thompson, Hunter S. Fear and Loathing in Las Vegas: A Savage Journey to the Heart of the American Dream. Rolling Stone, 2018)

Включить радио. Включить магнитофон. Смотреть вперед на заходящее солнце. Опустить все окна, чтобы лучше вкусить прохладный ветер из пустыни..

Языковая аномалия представлена на синтаксическом уровне и выражена рядом побудительных предложений, которые протагонист проговаривает про себя. Как и в примере выше, с помощью данного приема автор приводит текст к потоку сознания. Аномалия выполняет функцию обеспечения медитативного читательского опыта, напоминающего аутотренинг. Как средство

выразительности, данный случай употребления языковой аномалии создает фонетический рисунок речи, передает стилистическую окраску текста, индивидуализирует авторский стиль, раскрывает связь образов, обращает внимание читателя на ассоциативный ряд.

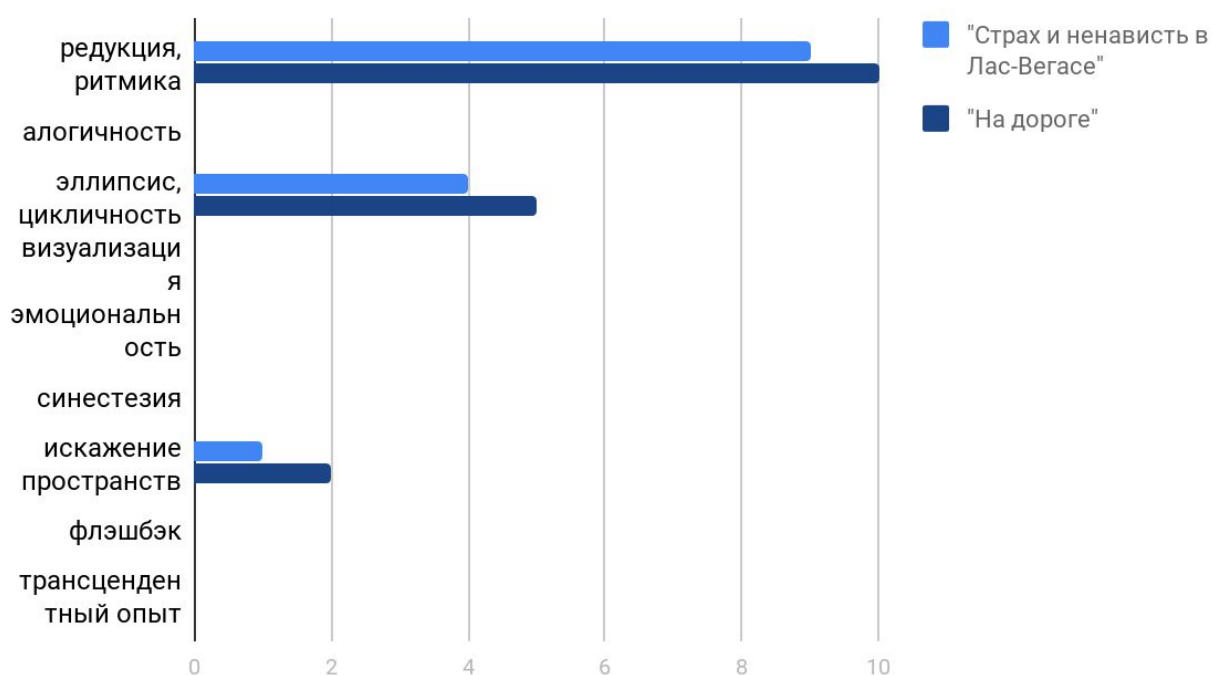
"And just as we were crossing Wazee I wanted to tell you about how I felt of your frenzy with the midgets and it was just then, remember, you pointed out that old bum with the baggy pants and said he looked just like your father?" (Kerouac, Jack On the Road. Genius, 2018)

"Как раз когда мы пересекали Вазее, я хотел сказать тебе о том, что чувствую по части твоей одержимости карликами, и вот как раз тогда, помнишь, ты показал на того старого бродягу в мешковатых штанах и сказал, что он вылитый твой отец?"

Языковая аномалия представлена на синтаксическом уровне и выражена с помощью одного распространенного предложения, содержащего в себе аномально большое количество грамматических основ: *"we were crossing"*, *"I wanted to tell"*, *"I felt"*, *"it was"*, *"you pointed out"*, *"he looked like your father"*, что создает некоторые трудности в понимании для читателя. Обилие грамматических основ и хаотическая подчинительная и сочинительная связь в предложении приближают его к потоку сознания. Аномалия выполняет функцию обеспечения особого читательского опыта, намеренное усложнение восприятия объясняется изменением логической структуры высказывания в пользу хаотичности. Как средство выразительности, данный случай употребления языковой аномалии придает речи динамичность, стремительность, создает фонетический рисунок речи, передает стилистическую окраску текста, индивидуализирует как стиль говорящего, так и авторский стиль, дает речевую и психологическую

характеристику персонажа, показывает его культурный уровень, описывает состояние возбуждения, в котором он находится, работает на обогащение образности текста, создает эффект резкой смены образов, создает трудности в понимании потока речи читателем.

Синтаксические языковые аномалии в обоих произведениях

В первом произведении обнаружено 14 языковых аномалий на синтаксическом уровне, во втором - 17. В романе "Страх и ненависть в Лас-Вегасе" 9 случаев их употребления являются экспериментом с ритмической составляющей текста, 4 - выражены повтором, эллипсисом или циклической конструкцией, и 1 - описывает изменения в восприятии пространства и времени. В романе "На дороге" 10 случаев их употребления являются экспериментом с ритмической составляющей текста, 5 - выражены повтором, эллипсисом или циклической конструкцией, и 2 - описывает изменения в восприятии пространства и времени. Соотношение частотности тех или иных аномалий в

обоих текстах примерно одинаковое; наиболее активно используются аномалии, меняющие ритмическую составляющую текста.

2.5 Анализ языковых аномалий на прагмасемантическом уровне.

Отдельно необходимо отметить прагмасемантические аномалии, как особую группу смысловых отклонений. Прагмасемантическая аномальность основана на противоречии между конвенциональным и неконвенциональным компонентом смысла и требует для своего обнаружения обращения к контексту, лингвистическому или экстралингвистическому [Кобозева, 1990: 195]. Иными словами, прагмасемантической аномалией могут являться слова, формулировки, аллюзии и, в частности, их семантика, которые выходят на уровень нарушений в прагматике и логических несоответствий: описание объективно не существующей реальности, представленной на уровне воображения, аллюзивность и интертекстуальность речи, требующие в большинстве своем ознакомления с первоисточником или детального изучения контекста повествования.

"Look outside," I said.

"Why?"

"There's a big ... machine in the sky, ... some kind of electric snake ... coming straight at us."

"Shoot it," said my attorney.

"Not yet," I said. "I want to study its habits." (Thompson, Hunter S. Fear and Loathing in Las Vegas: A Savage Journey to the Heart of the American Dream. Rolling Stone, 2018)

- Выгляни в окно, - сказал я.

- Зачем?

- Там большая... машина в небе... какая-то электрическая змея... движется прямо на нас.

- Застрели ее, - сказал мой адвокат.

- Не сейчас, - отозвался я. - Хочу изучить ее повадки.

Языковая аномалия представлена на прагмасемантическом уровне. Аномалия выражена диалогом двух людей в наркотическом опьянении, которые описывают события, не соотносящиеся с объективной реальностью, описанной в произведении. Фразами “*machine in the sky*”, “*electric snake*” протагонист пытается объяснить галлюцинацию, происходящую с ним. Разговор строится по принципу алогизма, в контрастных репликах “*Shoot it*” - “*I want to study its habits*” также не наблюдается никакого смысла. Аномалия выполняет функцию обеспечения особого читательского опыта, благодаря изменению логической структуры повествования и употреблению намеренных прагматических несоответствий. Как средство выразительности, данный случай употребления языковой аномалии передает стилистическую окраску текста, индивидуализирует стиль говорящих персонажей, дает их речевую и психологическую характеристику, описывает состояние, в котором они находятся, работает на обогащение образности текста, создает эффект резкой смены образов, подкрепляет повествование эмоциональной насыщенностью, последовательно усиливает ассоциативный ряд, привлекает внимание к наиболее семантически важным словам в высказывании (так как персонажи говорят незаконченными предложениями), раскрывает связь образов, обращает внимание читателя на ассоциативный ряд, стимулирует читателя к размышлениям и домысливанию.

Rum will be absolutely necessary to get through this night – to polish these notes, this shameful diary ... keep the tape machine screaming all night long at top volume: "Allow me to introduce myself ... I'm a man of wealth and taste." (Thompson, Hunter S. *Fear and Loathing in Las Vegas: A Savage Journey to the Heart of the American Dream*. Rolling Stone, 2018)

Sympathy?

Ром совершенно необходим, чтобы выдержать эту ночь - отшлифовать эти заметки, этот постыдный дневник... оставить магнитофон орущим всю ночь на полной громкости: "Позвольте представиться... Я человек богатый и с отличным вкусом...".

Симпатия?

Языковая аномалия представлена на прагмасемантическом уровне. Аномалия выражена с помощью внутреннего монолога протагониста, и опирается на аллюзию к песне группы Rolling Stones "Sympathy for the Devil": *"Allow me to introduce myself ... I'm a man of wealth and taste"*. Последующий риторический вопрос *"Sympathy?"* продолжает внутренний монолог героя, и с точки зрения логического построения высказывания является уточняющим вопросом, реакцией на название композиции, и проекцией ее содержания на жизнь говорящего. Аномалия выполняет функцию обеспечения особого читательского опыта, благодаря изменению логической структуры повествования и приравнивания текста и названия реально существующей песни к реальному собеседнику. Как средство выразительности, данный случай употребления языковой аномалии создает фонетический рисунок речи, передает стилистическую окраску текста, индивидуализирует авторский стиль, раскрывает связь образов, обращает внимание читателя на ассоциативный ряд.

And suddenly there was a terrible roar all around us and the sky was full of what looked like huge bats, all swooping and screeching and diving around the car, which was going about 100 miles an hour with the top down to Las Vegas. (Thompson, Hunter S. Fear and Loathing in Las Vegas: A Savage Journey to the Heart of the American Dream. Rolling Stone, 2018)

И неожиданно со всех сторон раздались жуткие вопли, и небо заполнили какие-то хряки, похожие на огромных летучих мышей, ринулись вниз, визгливо пища, пикируя на машину, несущуюся на пределе ста миль в час прямо в Лас-Вегас.

Языковая аномалия представлена на прагмасемантическом уровне. Аномалия выражена описанием события, не соотносящегося с объективной реальностью, описанной в произведении - де-факто являющимся галлюцинацией, видением протагониста, находящегося под действием наркотических веществ. Такие фразы как “*huge bats*”, “*swooping and screeching and diving*” очевидно употреблены в прямом значении, не подразумевают под собой метафоры или иносказания и описывают сюрреалистическую ситуацию, разворачивающуюся в голове героя. Аномалия выполняет функцию обеспечения особого читательского опыта, благодаря изменению логической структуры повествования и употреблению намеренных прагматических несоответствий. Как средство выразительности, данный случай употребления языковой аномалии передает стилистическую окраску текста, работает на обогащение образности текста, создает эффект резкой смены образов.

I had traveled eight thousand miles around the American continent and I was back on Times Square; and right in the middle of a rush hour, too, seeing with my innocent road-eyes the absolute madness and fantastic hoorair of New York with its

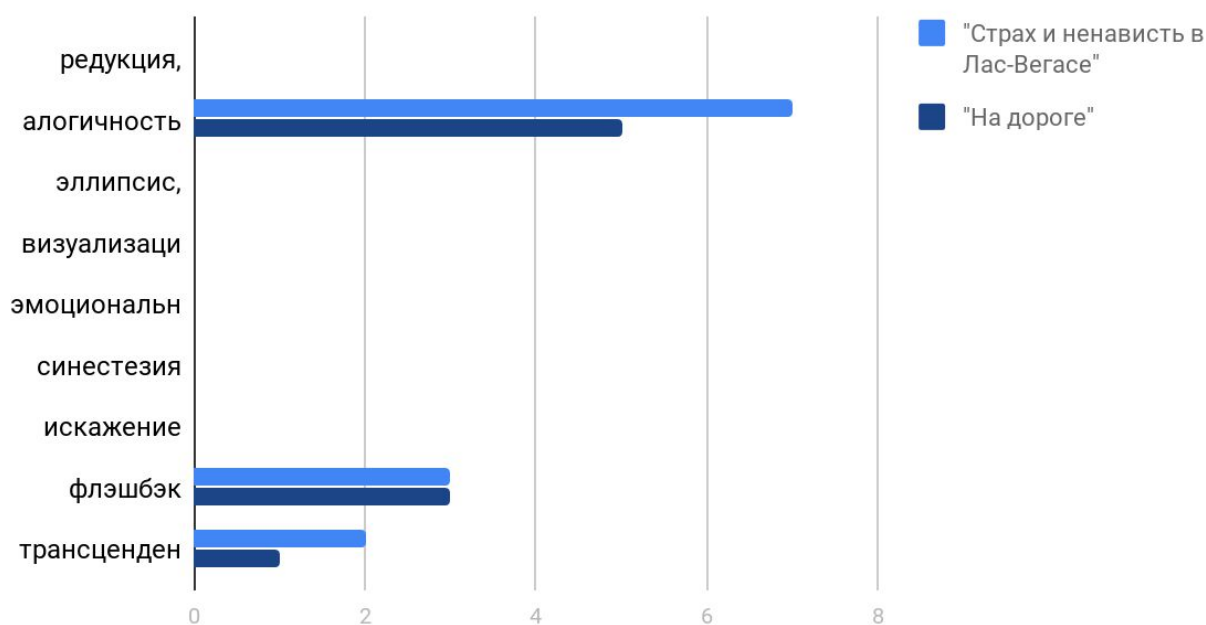
millions and millions hustling forever for a buck among themselves, the mad dream-grabbing, taking, giving, sighing, dying, just so they could be buried in those awful cemetery cities beyond Long Island City. (Kerouac, Jack On the Road. Genius, 2018)

Я пропутешествовал по всему Американскому Континенту восемь тысяч миль и теперь снова стоял на Таймс-Сквер; и к тому же – прямо в самой середине часа пик, глядя своими невинными, привыкшими к дороге глазами на абсолютное безумие и фантастическую суматоху Нью-Йорка с его миллионами и миллионами вечного жульня, что крутится ради лишнего доллара среди таких же, как и они сами, с их безумной мечтой – хапать, хватать, давать, вздыхать, подыхать – с тем, чтобы потом их похоронили в этих ужасных кладбищенских городищах за Городом на Лонг-Айленде.

Языковая аномалия представлена на синтаксическом уровне и выражена с помощью одного распространенного предложения, содержащего в себе аномально большое количество однородных членов предложения, что создает некоторые трудности в понимании для читателя. Обилие грамматических основ и хаотическая подчинительная и сочинительная связь в предложении приближают его к потоку сознания. Аномалия выполняет функцию обеспечения особого читательского опыта, намеренное усложнение восприятия объясняется изменением логической структуры высказывания в пользу хаотичности. Как средство выразительности, данный случай употребления языковой аномалии придает речи динамичность, стремительность, создает фонетический рисунок речи, передает стилистическую окраску текста, индивидуализирует как стиль говорящего, так и авторский стиль, дает речевую и психологическую характеристику персонажа, показывает его культурный уровень, описывает состояние возбуждения, в котором он находится, работает на обогащение

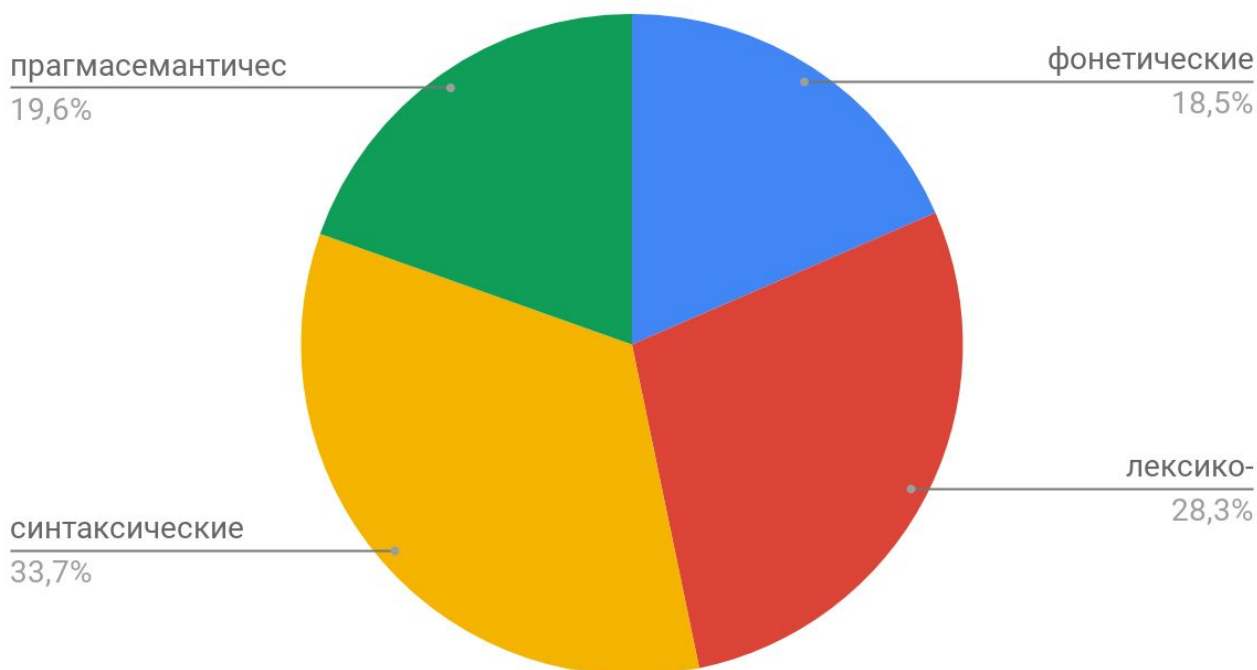
образности текста, создает эффект резкой смены образов, создает трудности в понимании потока речи читателем.

Прагмасемантические языковые аномалии в обоих произведениях

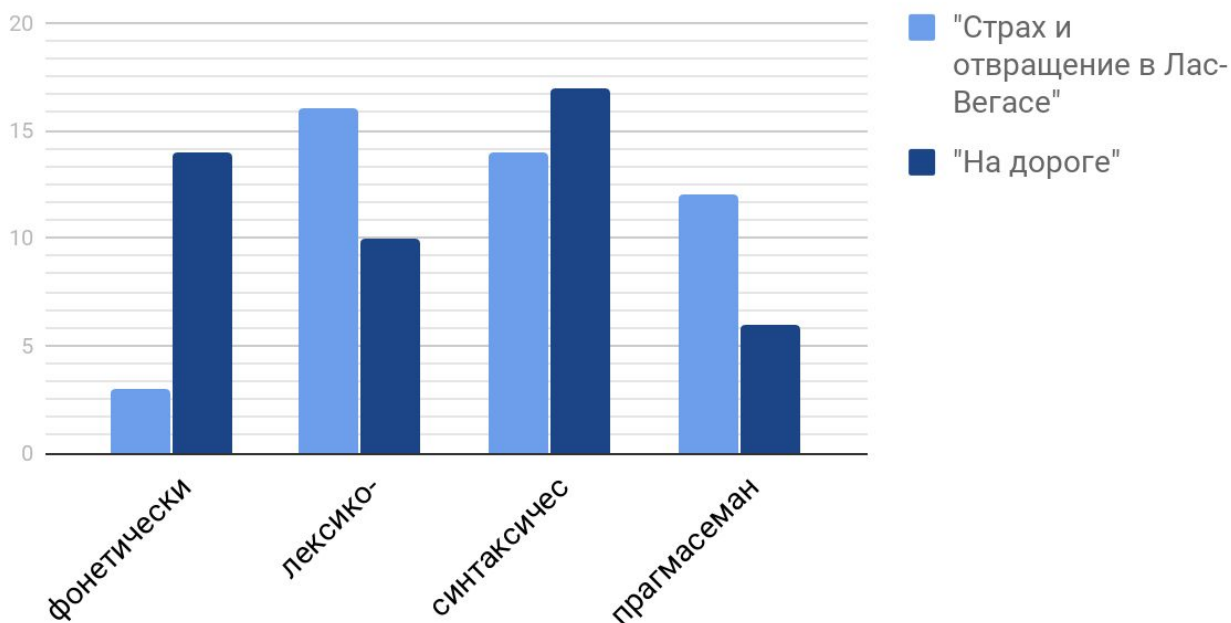

В первом произведении обнаружено 12 языковых аномалий на синтаксическом уровне, во втором - 6. В романе “Страх и ненависть в Лас-Вегасе” 7 случаев их употребления нарушают логику текста, 3 - достигаются при помощи техники флэшбэка и инсайда, и 2 - описывает трансцендентный опыт. В романе “На дороге” 5 случаев их употребления нарушают логику текста, 3 - достигаются при помощи техники флэшбэка и инсайда, и 1 - описывает трансцендентный опыт. Соотношение частотности тех или иных аномалий в обоих текстах примерно одинаковое; наиболее активно используются аномалии, нарушающие внутреннюю логику текста.

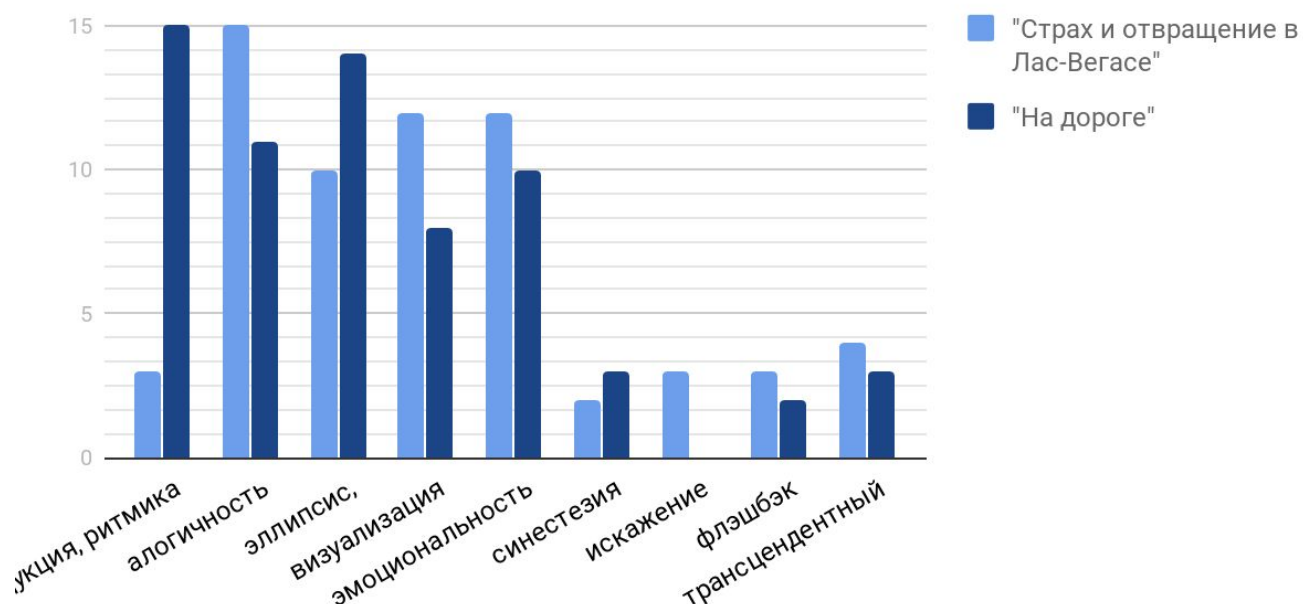
Суммарное количество аномалий в обоих произведениях

Сравнение количества языковых аномалий на разных уровнях в обоих произведениях

Сравнение частотности аномалий различных типов в обоих произведениях

На представленных в этой главе линейчатых и круговой диаграммах и в сравнении представлены данные, полученные в ходе исследования. Можно сделать следующие выводы: языковые аномалии каждого типа в значительных количествах обнаруживаются в обоих произведениях, что говорит о состоятельности разработанного алгоритма, классификации средств выражения и анализа; наиболее употребимыми в рассмотренных произведениях являются аномалии на синтаксическом уровне, что подтверждает, что хаотичность внутренней речи в первую очередь обнаруживается на уровне синтаксиса; языковые аномалии на лексико-семантическом уровне встречаются в обоих произведениях в достаточном количестве, чтобы можно было утверждать об их распространенности и функциональной оправданности; языковые аномалии на фонетическом уровне также встречаются в обоих произведениях в достаточном количестве, чтобы можно было утверждать об их функциональной

оправданности; наименее употребимыми в изученных текстах являются прагмасемантические аномалии ввиду сложности их исполнения и смысловой нагруженности; проза Джека Керуака изобилует ритмическими и синтаксическими экспериментами; в прозе Джека Керуака в умеренном количестве обнаруживаются языковые аномалии на прагмасемантическом уровне, однако их процент в тексте достаточно велик, чтобы можно было утверждать об аллюзивности и интертекстуальности его творчества; журналистика Хантера Томпсона сосредоточена на верном подборе лексики и стилистическом обыгрывании различных семантических полей; в произведении за авторством Хантера Томпсона наименее употребимыми являются фонетические аномалии, несмотря на большое количество пародий и имитаций речи людей под воздействием алкоголя и наркотиков; в тексте Джека Керуака не было обнаружено аномалий, как-либо имитирующих искажение пространственно-временного восприятия с помощью нарушения фразового единства, согласования времен или описательной лексики в сюрреалистическом контексте; в текстах американских авторов XX века языковые аномалии чаще всего основаны на алогичности, повышенной эмоциональности, употреблении различных описательных слов; в то время как передача феномена синестезии или трансцендентных переживаний встречается относительно редко; каждая языковая аномалия отвечает сразу нескольким характеристикам средств выразительности, что дает нам право утверждать, что данный феномен работает в художественном тексте как средство выразительности.

2.6 Методические разработки для проведения занятий английскому языку.

В качестве дополнения к выполненной работе нами был разработан комплекс практических упражнений для учеников средней и старшей школы. В связи со сложностью темы и необходимостью определенного культурно-читательского опыта для понимания данного феномена, школьникам будут предложены упрощенные задания. Хотелось бы отметить, что данные упражнения не должны оцениваться, так как анализ текста - единственно верный способ изучения и обнаружения языковых аномалий - школьникам недоступен.

Задания, предложенные ниже, могут быть представлены в виде дополнительного, факультативного материала. Данные упражнения могут помочь в развитии такой языковой компетенции, как языковая догадка, а также призваны воспитать в учащихся интерес к иностранной литературе и художественным средствам изучаемого языка.

Exercise 1. Guess the words. Match the mistake with its right variant.

PLES	owl
RNSER	answer
REQIRD	knock
CNOKE	required
WOL	please

Exercise 2. Read the text. Find mistakes and try to explain why they are made.

Owl lived at The Chestnuts, and old-world residence of great charm, which was grander than anybody else's, or seemed so to Bear, because it had both a knocker and a

bell-pull. Underneath the knocker there was a notice which said: PLES RING IF AN RNSER IS REQIRD. Underneath the bell-pull there was a notice which said: PLEZ CNOKE IF AN RNSR IS NOT REQID. These notices had been written by Christopher Robin, who was the only one in the forest who could spell; for Owl, wise though he was in many ways, able to read and write and spell his own name WOL, yet somehow went all to pieces over delicate words like MEASLES and BUTTEREDTOAST.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе нами был рассмотрен феномен языковой аномалии, указаны главные особенности американской литературы XX века, выделены наиболее обсуждаемые в современном мире авторы - в частности, Джек Керуак и Хантер С. Томпсон, чьи знаковые произведения были проанализированы на предмет языковых аномалий по оригинальному алгоритму, составленному из характеристики внутренней речи с точки зрения психологии и языковых девиаций - с точки зрения психолингвистики.

В первой главе мы рассмотрели языковую аномалию и языковую игру с точки зрения креативной лингвистики, дали ключевые определения, перечислили

трудности создания языковой аномалии, а также обратились к истории появления модернистских и постмодернистских литературных течений.

Во второй главе, практической, мы рассмотрели конкретные случаи языковых аномалий на примере отрывков из художественных текстов американских писателей XX в, применяя на них алгоритм анализа, выведенный из характеристик довербального состояния ума и поведения человека в измененном состоянии сознания.

Обнаруженные в художественных текстах языковые аномалии были исследованы, классифицированы и систематизированы языковых аномалий, а их частота употребления была отражена в виде статистических данных, в графиках и диаграммах.

Исходя из результатов исследования, можно с уверенностью утверждать, что языковые аномалии в художественном тексте приближают реципиента к бессознательному человеческой психики, иными словами, к внутренней речи протагониста. Перечисляемые в данной работе механизмы работы языковых аномалий оказывает непосредственное воздействие на читателя, запутывая его или облегчая его восприятие специфической ритмикой, давая искаженную информацию с помощью алогизмов, неожиданных семантических решений, а также имитируя состояния измененного состояния сознания, что дает нам право приравнять языковую аномалию к средству выразительности.

В ходе практической работы с источниками были установлены наиболее частотные типы языковых аномалий, сформулированы некоторые особенности литературного стиля изученных авторов на основе разбора употребления ими тех или иных языковых девиаций. Установленная цель достигнута, поставленные задачи выполнены, а положения, вынесенные на защиту, доказаны,

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анисимова Е.Е. Нормативность речи в аспекте коммуникативной лингвистики // Вопросы системной организации речи. -М., 1987. — С. 3-9.
2. Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica. М.: Наука, 1990. — С. 50-71
3. Арутюнова Н.Д. От редактора // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / Ин-т языкознания; Отв. редактор Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. — С. 3-9

4. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. -М., 1988. — 210 с.
5. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. - М.: Школа “Языки русской культуры”, 1999. — 76 с. Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 574 с.
6. Баранникова Л.И. Специфика проявления нормы в различных формах реализации языка // Функционирование языка и норма. -Горький, 2009. — С. 26-35.
7. Болотнова Н.С. Языковая игра //Энциклопедический стилистический словарь. -М, 2003. — С. 111-123.
8. Булыгина Т.В., Шмелев А. Д. Аномалии в тексте: проблемы интерпретации // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Ин-т языкознания; Отв. редактор Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. — С. 94-106
9. Вербицкая Л.А. Языковая норма: реальность или вымысел? //Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований: к 70-летию Л.В.Бондарко. -СПб., 2002. — С. 117-121.
10. Выготский Л.С. Лекции по психологии. СПб.: СОЮЗ, 1997. — 144с.
11. Выготский Л.С. Собр.соч.: В 6-ти т.- Т.3. Проблемы развития психики/ Под ред. А.М.Матюшкина.- М.: Педагогика, 1983. — 368с.
12. Выготский Л.С. Собр.соч.: В 6-ти т.- Т.2. Проблемы общей психологии/ Под ред.В.В.Давыдова.- М.: Педагогика, 1982. — 504с.
13. Гридина, Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т.А. Гридина. —Екатеринбург: Урал. ГПИ, 1996. — 215 с.

14. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влияние на духовное развитие человечества Текст. / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. — С. 35-298.
15. Золотова 2001 — Золотова, Г.А. О характере нормы в синтаксисе / Г.А. Золотова // Синтаксис и норма / Ин-т рус. яз. / Отв. ред. Г. А. Золотова. — М.: Наука, 2001. — С. 145—175.
16. Зубова, Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка / Л.В. Зубова. — М.: Новое литературное обозрение, 2000. — 432 с.
17. Кобозева И. М. Прагмасемантическая аномальность высказывания и семантика модальных частиц // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Ин-т языкознания; Отв. Редактор Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. — С. 194-201
18. Новикова, В.Ю. Субъективность как неизбежный фактор интерпретации абсурдного текста / В.Ю. Новикова // Язык в мире и мир в языке: материалы международной научной конференции. Сочи-Краснодар-Карлсруэ, 2001 г. — С. 128-129.
19. Радбиль, Т.Б. Норма и аномалия в парадигме «реальность — текст» / Т.Б. Радбиль // Филологические науки. — 2004. — № 1. — С. 53—63.
20. Радбиль, Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте / Т.Б. Радбиль // Филологические науки. — 2012. - С. 14—26.
21. Радбиль, Т.Б. Языковая аномальность и художественный дискурс / Т.Б. Радбиль // Вестник Нижегородского университета — 2012. - С. 23—29.

22. Ремчукова, Е.Н. Аспекты и принципы креативной грамматики / Е.Н. Ремчукова // Теоретические проблемы функциональной грамматики: Сб. статей. — СПб.: СПбГУ, 2001. — С. 49—54.
23. Томпсон, Х.С. Царство страха [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=NtYODQAAQBAJ> – Дата доступа: 16.05.2018.
24. Фокеев Ф. В. Плюралистическая гипотеза в прагматизме У. Джеймса. // История философии. № 10. 2003. — С.121-139.
25. Шерстобитова, И.А. Содержание программы по литературе как средство развития гуманитарной составляющей глобального мышления / И.А. Шерстобитова //Глобальное образование: педагогический поиск, находки, перспективы. СПб.,1999. — С.78-80.
26. Thompson, Hunter S. Fear and Loathing in Las Vegas: A Savage Journey to the Heart of the American Dream [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.rollingstone.com/politics/news/fear-and-loathing-in-las-vegas-19711111> — Дата доступа: 16.05.2018.
27. Kerouac, Jack On the Road [Электронный ресурс] Режим доступа: – https://genius.com/Jack-kerouac-part-1-chapter-1-on-the-road-annotated?referent_id=2830826#note-2830826 — Дата доступа: 16.05.2018.
28. Leary, Timothy Francis The Psychedelic Experience: A Manual Based on the Tibetan Book of the Dead. — 1964.
29. Miln, Alan Alexander Winnie-The-Pooh and All, All, All [Электронный ресурс] Режим доступа: — http://lib.ru/MILN/pooh.txt_with-big-pictures.html — Дата доступа: 26.05.2018.

30. Multitran Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]
Режим доступа: –<https://www.multitran.ru/c/m.exe?a=1> — Дата
доступа: 26.05.2018.
31. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И.Ожегов, Ю.Н.
Шведова. — Изд. 19-е, испр. — М.: Русский язык, 1999.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Языковые аномалии на фонетическом уровне, выраженные
орфографическими и графическими приемами

"Hi there," I said. "My name is ... ah, Raoul Duke ... yes, on the list, that's for sure. Free lunch, final wisdom, total coverage. ... why not?"

No fault of mine. Watch out! ... Why money? My name is Brinks; I was born ... born? Get sheep over side ... women and children to armored car ... orders from Captain Zeep.

No sympathy for the devil; keep that in mind. Buy the ticket, take the ride ... and if it occasionally gets a little heavier than what you had in mind, well ... maybe chalk it off to forced consciousness expansion: Tune in, freak out, get beaten. It's all in Kesey's Bible. ... The Far Side of Reality.

«Now, darling, here we are in New York and although I haven't quite told you everything that I was thinking about when we crossed Missouri and especially at the point when we passed the Booneville reformatory which reminded me of my jail problem, it is absolutely necessary now to postpone all those leftover things concerning our personal lovethings and at once begin thinking of specific worklife plans . . .»

Just as we rolled into Iowa Qty he saw another truck coming behind us, and because he had to turn off at Iowa City he blinked his tail lights at the other guy and slowed down for me to jump out, which I did with my bag, and the other truck, acknowledging this exchange, stopped for me, and once again, in the twink of nothing, I was in another big high cab, all set to go hundreds of miles across the night, and was I happy!

"It is now" (looking at his watch) "exactly one-fourteen. I shall be back at exactly three-fourteen, for our hour of reverie together, real sweet reverie, darling, and then, as you know, as I told you and as we agreed, I have to go and see the one-legged lawyer about those papers-in the middle of the night, strange as it seems and as I tho-ro-ly explained."

"So now in this exact minute I must dress, put on my pants, go back to life, that is to outside life, streets and what not, as we agreed, it is now one-fifteen and time's running, running-"

"No, no, no, I didn't mean that-you harken back now if you will, my dear fellow, to the night Marylou was crying in the room, and when, turning to you and indicating by my extra added sincerity of tone which we both knew was contrived but had its intention, that is, by my play-acting I showed that- But wait, that isn't it."

"And just as we were crossing Wazee I wanted to tell you about how I felt of your frenzy with the midgets and it was just then, remember, you pointed out that old bum with the baggy pants and said he looked just like your father?"

"Yes, yes, of course I remember; and not only that, but it started a train of my own, something real wild that I had to tell you, I'd forgotten it, now you just reminded me of it . . ."

"I was mixing it with Tuesday. When you borrowed that nickel you said, now listen, you said, 'Carlo, this is the last time I'll impose on you,' as if, and really, you meant that I had agreed with you about no more imposing."

"Of course that isn't it! Because you forget that- But I'll stop accusing you. Yes is what I said . . ."

"When I said to you that I had to sleep because of Marylou, that is, seeing her this morning at ten, I didn't bring my peremptory tone to bear in regard to what you'd just said about the unnecessariness of sleep but only, only, mind you, because of the fact that I absolutely, simply, purely and without any whatevers have to sleep now, I mean, man, my eyes are closing, they're redhot, sore, tired, beat . . ."

Rawlins and Tim and I licked our lips. We grabbed them and danced. There was no music, just dancing. The place filled up. People began to bring bottles. We rushed out to hit the bars and rushed back. The night was getting more and more frantic.

I forgave everybody, I gave up, I got drunk. I began talking moonshine and roses to the doctor's young wife. I drank so much I had to go to the men's room every two minutes, and to do so I had to hop over Dr. Boncœur's lap.

Ah, it was a fine night, a warm night, a wine-drinking night, a moony night, and a night to hug your girl and talk and spit and be heavinggoing.

I had traveled eight thousand miles around the American continent and I was back on Times Square; and right in the middle of a rush hour, too, seeing with my innocent road-eyes the absolute madness and fantastic hoorair of New York with its millions and millions hustling forever for a buck among themselves, the mad

dream-grabbing, taking, giving, sighing, dying, just so they could be buried in those awful cemetery cities beyond Long Island City.

Языковые аномалии на лексико-семантическом уровне

Will he make that grim connection when my attorney starts screaming about bats and huge manta rays coming down on the car?

"Holy Jesus! What are these goddamn animals?"

The only way to prepare for a trip like this, I felt, was to dress up like human peacocks and get crazy, then screech off across the desert and cover the story.

Challenge the bastards on their own turf. Come screeching up to the crosswalk, bucking and skidding with a bottle of rum in one hand and jamming the horn to drown out the music <...> a genuinely dangerous drunk, reeking of ether and terminal psychosis.

Don't worry. What's the score, here? What's next?

The only problem now was a gigantic neon sign outside the window, blocking our view of the mountains – millions of colored balls running around a very complicated track, strange symbols & filigree, giving off a loud hum.

...but when you get there, everything goes wrong: you misjudge the distance to the turnstile and slam against it, bounce off and grab hold of an old woman to keep

*from falling, some angry Rotarian shoves you and you think: What's happening here?
What's going on?*

*The door opened at Seven, but nobody moved. Dead silence. The door closed.
Up to eight ... then open again.*

*But no. Just another two bucks down the tube. You bastards!
No. Calm down. Learn to enjoy losing.*

*Some gibberish by a thing called "Three Dog Night," about a frog named
Jeremiah who wanted "Joy to the World."*

*First Lennon, now this, I thought. Next we'll have Glenn Campbell screaming
"Where Have All the Flowers Gone?"*

Where indeed? No flowers in this town. Only carnivorous plants.

*San Francisco in the middle Sixties was a very special time and place to be a
part of. Maybe it meant something. Maybe not, in the long run ... but no explanation, no
mix of words or music or memories can touch that sense of knowing that you were there
and alive in that corner of time and the world. Whatever it meant.*

*What? This weapon? This loaded, unregistered, concealed and maybe hot .357
Magnum? What am I doing with it? Well, you see, officer, I pulled off the road near
Mescal Springs – on the advice of my attorney, who subsequently disappeared – and all
of a sudden while I was just sort of walking around that deserted waterhole by myself
for no reason at all when this little fella with a beard came up to me, out of nowhere,*

and he had this horrible linoleum knife in one hand and this huge black pistol in the other hand ...

Madness, madness ... and meanwhile all alone with the Great Red Shark in the parking lot of the Las Vegas airport. To hell with this panic. Get a grip. Maintain. For the next 24 hours this matter of personal control will be critical.

Here I am sitting out here alone on this desert, in this nest of armed loonies, with a very dangerous carload of hazards, horrors and liabilities that I must get back to L.A. Because if they nail me out here, I'm doomed. No question about that. No future for a doctor of journalism editing the state pen weekly. Better to get the hell out of this atavistic state at high speed. Right.

How many more nights and weird mornings can this terrible thing go on? How long can the body and the brain tolerate this doom-struck craziness? This grinding of teeth, this pouring of sweat, this pounding of blood in the temples ... small blue veins gone amok in front of the ears, 60 and 70 hours with no sleep.

Into the Ballantine Ale now, zombie drunk and nervous. I recognize this feeling: three or four days of booze, drugs, sun, no sleep and burned out adrenalin reserves – a giddy, quavering sort of high that means the crash is coming. But when? How much longer? This tension is part of the high. The possibility of physical and mental collapse is very real now.

I first met Dean not long after my wife and I split up. I had just gotten over a serious illness that I won't bother to talk about, except that it had something to do with the miserably weary split-up and my feeling that everything was dead.

Everything was falling apart. My stay in San Francisco was coming to an end. Remi would never talk to me again.

There is something brown and holy about the East; and California is white like washlines and emptyheaded-at least that's what I thought then.

Soon it got dusk, a grapy dusk, a purple dusk over tangerine groves and long melon fields; the sun the color of pressed grapes, slashed with burgundy red, the fields the color of love and Spanish mysteries.

I was tired and felt strange and lost in a faraway, disgusting place. The goof of terror took over my thoughts and made me act petty and cheap.

Ah, it was a fine night, a warm night, a wine-drinking night, a moony night, and a night to hug your girl and talk and spit and be heavinggoing.

We were bums together. We walked seven miles along the mournful Susquehanna. It is a terrifying river. It has bushy cliffs on both sides that lean like hairy ghosts over the unknown waters. Inky night covers all.

In Farmington, Utah, once, here I went to work with Ed Wall-you know Ed Wall, the rancher's son in Denver-I was in my bed and all of a sudden I saw my dead mother

standing in the corner with light all around her. I said, 'Mother!' She disappeared. I have visions all the time"

Something, someone, some spirit was pursuing all of us across the desert of life and was bound to catch us before we reached heaven.

Naturally, now that I look back on it, this is only death: death will overtake us before heaven. The one thing that we yearn for in our living days, that makes us sigh and groan and undergo sweet nauseas of all kinds, is the remembrance of some lost bliss that was probably experienced in the womb and can only be reproduced (though we hate to admit it) in death. But who wants to die?

ЯЗЫКОВЫЕ АНОМАЛИИ НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ

How long can we maintain? I wondered. How long before one of us starts raving and jabbering at this boy? What will he think then?

Jesus! Did I say that? Or just think it? Was I talking? Did they hear me?

But what was the story? Nobody had bothered to say.

Turn up the radio. Turn up the tape machine. Look into the sunset up ahead. Roll the windows down for a better taste of the cool desert wind. Ah yes. This is what it's all about. Total control now.

But no. Just another two bucks down the tube. You bastards!

No. Calm down. Learn to enjoy losing.

Strange memories on this nervous night in Las Vegas. Five years later? Six? It seems like a lifetime, or at least a Main Era – the kind of peak that never comes again.

San Francisco in the middle Sixties was a very special time and place to be a part of. Maybe it meant something. Maybe not, in the long run ... but no explanation, no mix of words or music or memories can touch that sense of knowing that you were there and alive in that corner of time and the world. Whatever it meant.

What? This weapon? This loaded, unregistered, concealed and maybe hot .357 Magnum? What am I doing with it? Well, you see, officer, I pulled off the road near Mescal Springs – on the advice of my attorney, who subsequently disappeared – and all of a sudden while I was just sort of walking around that deserted waterhole by myself for no reason at all when this little fella with a beard came up to me, out of nowhere, and he had this horrible linoleum knife in one hand and this huge black pistol in the other hand ...

Madness, madness ... and meanwhile all alone with the Great Red Shark in the parking lot of the Las Vegas airport. To hell with this panic. Get a grip. Maintain. For the next 24 hours this matter of personal control will be critical.

Here I am sitting out here alone on this desert, in this nest of armed loonies, with a very dangerous carload of hazards, horrors and liabilities that I must get back to L.A. Because if they nail me out here, I'm doomed. No question about that. No future for

a doctor of journalism editing the state pen weekly. Better to get the hell out of this atavistic state at high speed. Right.

I almost collapsed on the curb. Every cell in my brain and body sagged. No! I thought. I must be hallucinating. There's nobody back there, nobody calling ... it's a paranoid delusion, amphetamine psychosis ... just keep walking towards the car, always smiling.

No, it was too much. The line between madness and masochism was already hazy; the time had come to pull back ... to retire, hunker down, back off and "cop out," as it were. Why not? In every gig like this, there comes a time to either cut your losses or consolidate your winnings – whichever fits.

Into the Ballantine Ale now, zombie drunk and nervous. I recognize this feeling: three or four days of booze, drugs, sun, no sleep and burned out adrenalin reserves – a giddy, quavering sort of high that means the crash is coming. But when? How much longer? This tension is part of the high. The possibility of physical and mental collapse is very real now.

But collapse is out of the question; as a solution or even a cheap alternative, it is unacceptable. Indeed.

«Now, darling, here we are in New York and although I haven't quite told you everything that I was thinking about when we crossed Missouri and especially at the point when we passed the Booneville reformatory which reminded me of my jail

problem, it is absolutely necessary now to postpone all those leftover things concerning our personal lovethings and at once begin thinking of specific worklife plans . . .»

Just as we rolled into Iowa Qty he saw another truck coming behind us, and because he had to turn off at Iowa City he blinked his tail lights at the other guy and slowed down for me to jump out, which I did with my bag, and the other truck, acknowledging this exchange, stopped for me, and once again, in the twink of nothing, I was in another big high cab, all set to go hundreds of miles across the night, and was I happy!

"It is now" (looking at his watch) "exactly one-fourteen. I shall be back at exactly three-fourteen, for our hour of reverie together, real sweet reverie, darling, and then, as you know, as I told you and as we agreed, I have to go and see the one-legged lawyer about those papers-in the middle of the night, strange as it seems and as I tho-ro-ly explained."

"So now in this exact minute I must dress, put on my pants, go back to life, that is to outside life, streets and what not, as we agreed, it is now one-fifteen and time's running, running-"

"And just as we were crossing Wazee I wanted to tell you about how I felt of your frenzy with the midgets and it was just then, remember, you pointed out that old bum with the baggy pants and said he looked just like your father?"

"Yes, yes, of course I remember; and not only that, but it started a train of my own, something real wild that I had to tell you, I'd forgotten it, now you just reminded me of it . . ."

"I was mixing it with Tuesday. When you borrowed that nickel you said, now listen, you said, 'Carlo, this is the last time I'll impose on you,' as if, and really, you meant that I had agreed with you about no more imposing."

"No, no, no, I didn't mean that-you harken back now if you will, my dear fellow, to the night Marylou was crying in the room, and when, turning to you and indicating by my extra added sincerity of tone which we both knew was contrived but had its intention, that is, by my play-acting I showed that- But wait, that isn't it."

And on, on into the night they talked like this. At dawn I looked up. They were tying up the last of the morning's matters.

"When I said to you that I had to sleep because of Marylou, that is, seeing her this morning at ten, I didn't bring my peremptory tone to bear in regard to what you'd just said about the unnecessariness of sleep but only, only, mind you, because of the fact that I absolutely, simply, purely and without any whatevers have to sleep now, I mean, man, my eyes are closing, they're redhot, sore, tired, beat . . ."

Rawlins and Tim and I licked our lips. We grabbed them and danced. There was no music, just dancing. The place filled up. People began to bring bottles. We rushed out to hit the bars and rushed back. The night was getting more and more frantic.

I forgave everybody, I gave up, I got drunk. I began talking moonshine and roses to the doctor's young wife. I drank so much I had to go to the men's room every two minutes, and to do so I had to hop over Dr. Boncœur's lap.

I spun around till I was dizzy; I thought I'd fall down as in a dream, clear off the precipice. Oh where is the girl I love?

And here my mind went haywire, I don't know why. I began getting the foolish paranoiac visions that Teresa, or Terry-her name-was a common little hustler who worked the buses for a guy's bucks by making appointments like ours in LA where she brought the sucker first to a breakfast place, where her pimp waited, and then to a certain hotel to which he had access with his gun or his whatever.

I had traveled eight thousand miles around the American continent and I was back on Times Square; and right in the middle of a rush hour, too, seeing with my innocent road-eyes the absolute madness and fantastic hoorair of New York with its millions and millions hustling forever for a buck among themselves, the mad dream-grabbing, taking, giving, sighing, dying, just so they could be buried in those awful cemetery cities beyond Long Island City.

Can you picture me walking those last miles through the Lincoln Tunnel or over the Washington Bridge and into New Jersey? It was dusk. Where was Hassel? I dug the square for Hassel; he wasn't there, he was in Riker's Island, behind bars. Where Dean? Where everybody? Where life?

I proposed it was myself, wearing a shroud. That wasn't it.

Языковые аномалии на прагмасемантическом уровне

And suddenly there was a terrible roar all around us and the sky was full of what looked like huge bats, all swooping and screeching and diving around the car, which was going about 100 miles an hour with the top down to Las Vegas.

"Right," I said. "But first we need the car". And after that, the cocaine. And then the tape recorder, for special music, and some Acapulco shirts.

Free Enterprise. The American Dream. Horatio Alger gone mad on drugs in Las Vegas. Do it now: pure Gonzo journalism.

"What's wrong?" I yelled. "We can't stop here. This is bat country!"

The woman's face was changing: swelling, pulsing ... horrible green jowls and fangs jutting out, the face of a Moray Eel! Deadly poison!

Right next to me a huge reptile was gnawing on a woman's neck, the carpet was a blood-soaked sponge – impossible to walk on it, no footing at all. "Order some golf shoes," I whispered. "Otherwise, we'll never get out of this place alive. You notice these lizards don't have any trouble moving around in this muck – that's because they have claws on their feet."

"Look outside," I said.

"Why?"

"There's a big ... machine in the sky, ... some kind of electric snake ... coming straight at us."

"Shoot it," said my attorney.

"Not yet," I said. "I want to study its habits."

Some gibberish by a thing called "Three Dog Night," about a frog named Jeremiah who wanted "Joy to the World."

First Lennon, now this, I thought. Next we'll have Glenn Campbell screaming "Where Have All the Flowers Gone?"

Where indeed? No flowers in this town. Only carnivorous plants.

He offered to carve a big X on my forehead, in memory of Lt. Calley ... but when I told him I was a doctor of journalism his whole attitude changed. Yes, you probably won't believe this, officer, but he suddenly hurled that knife into the brackish mescal waters near our feet, and then he gave me this revolver. Right, he just shoved it into my hands, burst into tears, and then he ran off into the darkness.

Rum will be absolutely necessary to get through this night – to polish these notes, this shameful diary ... keep the tape machine screaming all night long at top volume: "Allow me to introduce myself ... I'm a man of wealth and taste."

Sympathy?

Aaaww ... Mama

can this really be the end?

No!

*Who played that song? Did I actually hear that thing on the jukebox just now?
At 9:19 on this filthy grey morning in Wild Bill's Tavern?*

*No. That was only in my brain, some long-lost echo of a painful dawn in Toronto
... a long time ago, half-mad in another world. ... but no different.*

*No sympathy for the devil; keep that in mind. Buy the ticket, take the ride ... and
if it occasionally gets a little heavier than what you had in mind, well ... maybe chalk it
off to forced consciousness expansion: Tune in, freak out, get beaten. It's all in Kesey's
Bible. ... The Far Side of Reality.*

*"And just as we were crossing Wazee I wanted to tell you about how I felt of
your frenzy with the midgets and it was just then, remember, you pointed out that old
bum with the baggy pants and said he looked just like your father?"*

*"Yes, yes, of course I remember; and not only that, but it started a train of my
own, something real wild that I had to tell you, I'd forgotten it, now you just reminded
me of it . . ."*

*"I was mixing it with Tuesday. When you borrowed that nickel you said, now
listen, you said, 'Carlo, this is the last time I'll impose on you,' as if, and really, you
meant that I had agreed with you about no more imposing."*

*And here my mind went haywire, I don't know why. I began getting the foolish
paranoiac visions that Teresa, or Terry-her name-was a common little hustler who
worked the buses for a guy's bucks by making appointments like ours in LA where she*

brought the sucker first to a breakfast place, where her pimp waited, and then to a certain hotel to which he had access with his gun or his whatever.

I huddled in the cold, rainy wind and watched everything across the sad vineyards of October in the valley. My mind was filled with that great song "Lover Man" as Billie Holiday sings it; I had my own concert in the bushes. "Someday we'll meet, and you'll dry all my tears, and whisper sweet, little things in my ear, hugging and a-kissing, oh what we've been missing, Lover Man, oh where can you be . . ." It's not the words so much as their great harmonic tune and the way Billie sings it, like a woman stroking her man's hair in soft lamplight. The winds howled. I got I cold.

"And of course now no one can tell us that there is no God. We've passed through all forms. You remember, Sal, when I first came to New York and I wanted Chad King to teach me about Nietzsche. You see how long ago? Everything is fine, God exists, we know time. Everything since the Greeks has been predicated wrong. You can't make it with geometry and geometrical systems of thinking. It's all this!"